

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
П. А. ДЕМЕНТЬЕВА.

№ 289-418

Великий шле
в 1868 г. 85

245
324

ms

P. 3129 a

~~P. 7205~~ P 2474

1848

1848

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ

ХРУЩОВЪ.

КОБЗАРЬ

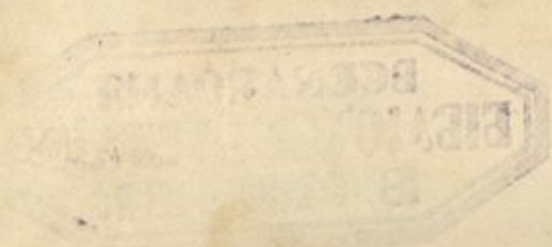

YANUARY

1864

NEW YORK

KOB3VPP

В 128263 2

CV 875

КОВЗАРЬ

191.79-1-9171

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНО ПО РЕДАКЦИИ

ИЗДАТЕЛЬ ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

21617

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

1860

8158553

8
10р-

КОРЗАРЪ

ТАТЪСА ШЕРВЕНКА

12 ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ 1860 Г.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 апрѣля 1860 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Державна библиотека
БИБЛИОТЕКА УРСР
Инв. 540423

Заказъ 68

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 апрѣля 1860 года.

0001

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(АВТОБІОГРАФІЯ.)

Я вполне сочувствую вашему желанію познакомить читателей «Народнаго Чтенія» *) съ исторіею жизни людей, выбившихся своими способностями и дѣлами изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ. Подобныя свѣдѣнія поведутъ, мнѣ кажется, многихъ къ сознанію своего человѣческаго достоинства, безъ котораго невозможны успѣхи общественнаго развитія въ низшихъ слояхъ населенія Россіи. Моя собственная судьба, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія, глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ. Вотъ почему я рѣшаюсь обнаружить передъ свѣтомъ нѣсколько печальныхъ фактовъ моего существованія. Я бы желалъ

*) Предлагаемая автобіографія г. Шевченка написана имъ въ видѣ письма къ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія».

изложить ихъ въ такой полнотѣ, въ какой покойный С. Т. Аксаковъ представилъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, тѣмъ болѣе, что исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины. Но я не имѣю духа входить во всѣ ея подробности: это могъ бы сдѣлать человѣкъ, успокоившійся внутренно и успокоенный насчетъ себѣ подобныхъ виѣшними обстоятельствами. Все, чтò я могу покаместъ сдѣлать въ исполненіе вашего желанія, это — представить вамъ въ короткихъ словахъ фактической ходъ моей жизни. Когда вы прочтете эти строки, вы, я надѣюсь, оправдаете чувство, отъ котораго у меня сжимается сердце и коснѣетъ рука.

Я — сынъ крѣпостного крестьянина, Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году, февраля 25-го, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ, у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-*попѣхача*. Эти школяры, въ отношеніи къ дьячкамъ, то же самое, чтò мальчики, отданные родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Правъ надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они — полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячокъ — замѣтьте, горькій пьяница — и чтò я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностью,

не имѣя ни единого существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моемъ положеніи. Какъ-бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжелой жизни въ такъ-называемой школѣ прошелъ я *Грама́тку*, *Часлѡвецъ* и, наконецъ, *Псалтирь*. Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячокъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, *Псалтирь* по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за то десятую копейку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Ионою Лѣмаремъ, такъ-что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки-пьяными. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придиричивость сдѣлала насъ, въ отношеніи къ нему, лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій миллионъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди — местию и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное

его оружіе — розги, и, на сколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *кѹштинками*, то есть гравированными картинками, вѣроятно самой-плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ, или не устоялъ противъ искушенія, похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.

Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень-мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листкѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣнье мнѣ измѣнилось, и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твердою рѣшимостью — перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство, хоть въ самой-малой степени, желалъ я страстно. Но, увы! Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шѣвству* или *бѣндарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокру-

шеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало, однакожь, какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, *пастыремъ стада непорочнымъ*, съ тѣмъ, чтобы, хотя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку съ кунштинками. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаравары и, наконецъ, въ комнатные казачки.

Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ Закарпатской Украины, Полякамъ. Помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ казачковъ, какъ выдумку, неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда казачкомъ сдѣлать казака ручнымъ съ самаго дѣтства — это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу челоуѣка быстроногаго оленя. . . . Польскіе помѣщики бываго времени содержали казачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Казачки играли, для панской потѣхи, веселья двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музою съ горя, подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ Поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщенной гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, ко-

торымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго Нѣмца, смотрѣлъ на казачка болѣе-практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моей народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же, возлѣ него, трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть-слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая, украдкою, картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.

Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ, и таскалъ за собою, въ обозѣ, меня, для сидѣнья въ передней, подаванія трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по-мѣму на свое прошедшее. Странствуя съ своимъ бариномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоценную коллекцію. Особенно моими любимцами были историческіе герои,

какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, казакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ, не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ, какъ только возможно, вѣрныя копія.

Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильно, въ 1829 году, декабря 6-го, панъ и пани уѣхали на балъ въ такъ-называемые *ресурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ все успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденныя сокровища и, выбравъ изъ нихъ казака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ казачковъ, гарцюющихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ не за мое искусство — нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достойнымъ усердіемъ.

Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ-какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтраговалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ

цеховому мастеру, нѣкому Ширяеву, въ Санктпетербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другаго дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь гнетъ тройственного его генія, я въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній Садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до-сихъ-поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, казакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый чело-вѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ уви-дѣлъ у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ руб-лемъ серебра.

Въ 1837 году Сошенко представилъ меня кон-ференц-секретарю Академіи Художествъ, В. И. Гри-горовичу, съ просьбой — освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предвари-тельно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брю-лова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ

Жуковского былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями, и этою цѣною куплена была моя свобода въ 1838 году апрѣля 22.

Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника.

О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она — спасибо ей — обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напечатана только одна баллада *Причинна*. Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія — объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разказѣ въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями — не погибнуть? Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно; оно тѣмъ-болѣе для меня

ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мнѣ тяжело было вспомнить въ своемъ разсказѣ, до-сихъ-поръ — крѣпостные. Да, милостивый государь, они крѣпостные до-сихъ-поръ!

Охъ вы, думы мои, думы!
 Тяжело мнѣ съ вами!
 Чтò стоите на бумагѣ
 Хмурыми рядами?

Чтò васъ въ полѣ, какъ былинку,
 Вѣтромъ не умчало?
 Чтò васъ, словно сиротинку,
 Горе не заспало?

Видно горе на смѣхъ въ свѣтъ васъ породило,
 Пòлило слезами... лучше бь утопило,
 Утопило въ морѣ, разнесло по пòлю:
 Не спросили бь люди, чтò меня томить,
 Отчего грущу я, проклиная долю,
 Тягошуща свѣтомъ?... «Видно, такъ и быть!»
 Не сказали бь на смѣхъ...

Думы мои, дѣти!
 Для чего любилъ васъ, для чего ласкалъ?
 Иль заплачетъ сердце хоть одно на свѣтѣ,
 Такъ, какъ я надъ вами? . . . Можетъ угадать! . . .

Или сердце, или очи
 Карія найду я,
 Что заплачутъ и надъ вами? . . .
 Больше не хочу я!

Лишь одну слезинку съ карихъ —
 Панъ я надъ панами!
 Охъ вы, думы мои, думы!
 Тяжело мнѣ съ вами!

Охъ вы, думы мои, думы!
 Свѣты мои, дѣти!
 Я растилъ васъ — на кого же
 Васъ покину въ свѣтѣ?

Въ Украину вы идите,
 Въ нашу Украину,
 Подъ плетнями, сиротами, —
 Я же — здѣсь загину.

Тамъ вы правду, тамъ вы сердце
Вѣрное найдете,
А быть можетъ и святую
Славу наживете. . . .

Приласкай же Украина,
Милая сторонка,
Моихъ дѣтокъ, какъ родного
Своего ребенка!

Н. Гербель.

ПЕРЕБЕНДЯ *).

Перебендя, старый, хилый —
Кто его не знает?
Онъ шатается повсюду
Съ кобзой, да играетъ.
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
Онъ и днюетъ и ночуетъ
Въ полѣ, сиротина;
Нѣтъ избы у горемыки;
Шутить съ нимъ судьбина,
Издѣвается надъ старымъ, —
А кобзарь ни слова;
Сядетъ гдѣ нибудь, затянетъ:
«Не шуми дуброва!»
Запоетъ, да и припомнитъ,
Что онъ сиротина,

*) Перебендя — здѣсь собственное имя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно выражаетъ и образъ жизни кобзаря, непостоянный, невѣрный, бродячій.

Потоскуеть, погорюеть,
Сидючи подъ тыномъ.

Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да бывалый!
Пѣснь про «Чалаго» *) затынетъ,
Кончить разудалой;
Въ полѣ съ дѣвками — поётъ имъ
«Гриця» да «Веснянку»,
А въ шинкѣ да съ молодцами —
«Сѣрбина», «Шинкарку»;
Съ молодцами на свадьбѣ
(Гдѣ свекруха злая) —
Про «Топѡлю», «Злую долю»,
А потомъ — «У гаю»;
На базарѣ — «Лазарь»-пѣсню,
Аль, чтобъ люди знали,
Запоётъ, какъ Сѣчь родную
Войски разорали.
Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да обычный!
Засмѣется, а слезами
Кончить, горемычный.
Вѣтеръ вѣеть-повѣваетъ,
Пѡ полю гуляетъ.

*) Извѣстная украинская пѣсня, отличающаяся особенно-
грустнымъ напѣвомъ.

На могилѣ Перебендя
 Пѣсни распѣваетъ.
 Степь широкая, какъ море,
 Вкругъ него синѣтъ;
 За могилою могила,
 Дальше — чуть виднѣтъ...
 Старый усъ съ сѣдой чуприной
 Вѣтеръ развѣваетъ;
 То приляжетъ и внимаетъ,
 Какъ кобзарь играетъ,
 Какъ сердце смѣется, какъ очи рыдаютъ....
 Послушаетъ, встанетъ — и вновь повѣваетъ....

Старикъ приютился въ степи на могилѣ,
 Чтобъ вихри по полю слова разносили,
 Чтобъ люди не слышали слова благова,
 Затѣмъ, что то слово — есть Божіе слово:
 Тò съ Господомъ сердце бесѣду ведетъ,
 Тò сердце Господнюю славу поётъ;
 А дума на тучѣ по свѣту гуляетъ,
 Орломъ сизокрылымъ летаетъ, ширяетъ,
 И небо лазурное крыльями бѣтъ;
 Подыметъ къ солнцу, летитъ, вопрошаетъ:
 Гдѣ солнце ночуетъ, какъ солнце встаётъ;
 Послушаетъ моря, что думаетъ море;
 На гору — и спроситъ: «чего ты нѣмà?»
 И снова на небо, подальше отъ горя,
 Затѣмъ, что на свѣтѣ нѣтъ мѣста, угла
 Тому, кто все знаетъ, тому, кто все чуетъ:
 Что думаетъ море, гдѣ солнце ночуетъ.

Никто приютить бѣдняка не беретъ.
 Какъ солнце, межъ ними одинъ онъ, избранный.
 Всѣ знаютъ его: онъ на свѣтѣ живетъ;
 А если бъ узнали, что онъ, безталанный,
 Поётъ на могилѣ, съ волной говоритъ:
 Въ немъ Божіе слово они бъ осмѣяли,
 Глупцомъ бы назвали, изъ хаты прогнали:
 «Пускай онъ», сказали бъ, «надъ моремъ парить!»

Хорошо, кобзарь мой милый,
 Дѣлаешь, что ходишь
 Пѣть и думать на могилу, —
 Рѣчи съ ней заводишь!
 Приходи, пока, мой голубь,
 Сердце не остыло;
 Пой, чтобъ люди не слышали,
 Какъ поешь уныло.
 А чтобъ люди не чуждались,
 Потакай имъ — барамъ!
Скачи, враже, якъ панъ каже:
 Онъ богатъ не даромъ.

Вотъ такой-то Перебендя,
 Странный да обычный!
 Грянетъ «Горлицу», а кончитъ
 Жалобой привычной!

И. Гербелев.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
 По полю гуляетъ,
На краю дороги тополь
 Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
 Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
 Поле вокругъ синѣетъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо, —
 Смотришь — приуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
 Сядетъ на могилѣ, —
Поглядитъ — заносетъ сердце:
 Возлѣ ни былины!
Одинока, сиротою,
 Вянеть на чужбинѣ.

Кто жь ростилъ ее, да холилъ
 На погибель злую?

Красны дѣвицы, постойте —
 Все вамъ расскажу я!

Полюбила молодого
 Казака дѣвчина,
 Полюбила — упустила,
 Тотъ ушелъ — и сгинулъ.
 Если бъ знала, что покинетъ,
 То бъ не полюбила;
 Если бъ знала, что уйдетъ онъ,
 Такъ бы не пустила;
 Если бъ знала — не ходила бъ
 Поздно за водою,
 Не стояла бъ до полночи
 Съ милымъ надъ рѣкою;
 Если бъ знала! . . .

И то горе —
 Знать, что повстрѣчаешь —
 Знать впередъ, что съ нами будетъ . .
 Лучше, какъ не знаешь!
 Не пытайте доли: сердце
 Суженаго знаетъ . . .
 Пусть болитъ, пока на вѣки
 Въ землю заковають!
 Вѣдь не долго вы румяны,
 Пышны, бѣлолицы;
 Брови — черны, очи — кари
 Не на вѣкъ, дѣвицы!

До полудня и — завянуть,
 Брови полиняютъ...
 Красны дѣвицы, любите,
 Какъ сердечко знаетъ!

Защебечетъ соловейко
 На лугу въ калинѣ, —
 Запоетъ казакъ, гуляя,
 Бродя по долини.
 И поетъ, пока не выйдетъ —
 Не увидитъ милой,
 Не увидитъ и не спроситъ:
 «Мать тебя не била ль?»
 Соловей себѣ щебечетъ...
 Станутъ, обоймутся,
 И — довольны и счастливы —
 Снова разойдутся.
 И никто у ней не спроситъ,
 Сердца не пытается:
 «Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
 Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
 Красна дѣвица любила,
 А сердечко мѣло!
 Сердце чуяло невзгоду,
 А сказать не смѣло.
 Не сказало — и осталась...
 День и ночь воркуетъ,
 Какъ безъ голубя голубка,
 А никто не чуеъ.

Соловей ужь не щебечеть
 Въ полѣ надъ водою:
 — Не поетъ моя казачка,
 Стоя надъ рѣкою;
 Свѣтъ постыль: ей не поется;
 Бродить сиротиной.
 Безъ милѡго — какъ чужіе
 Мать съ отцомъ родимымъ;
 Безъ милѡго солнце ль свѣтитъ —
 Вѡрогомъ смѣется;
 Безъ милѡго свѣтъ — могила...
 А сердечко бьется! *

Годъ прошелъ, другой проходитъ —
 Друга не приноситъ;
 Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ,
 А никто не спросить...
 — Что ты, дочка, что ты сохнешь? —
 Мать ей не сказала;
 За богатаго, сѣдого
 Выдти принуждала.
 — Выходи! — ей говорила:
 — Вѣкъ не быть дѣвицей!
 Онъ богатый, одинокій:
 Будешь жить царицей. —
 «Не хочу я жить царицей!
 «Не пойду я, мама!
 «Ручниками, чтò я шила,
 «Опустите въ яму.

«Пусть попы поють, а дружки
 «Плачутъ надо мною:
 «Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчаться —
 «Быть его женою!»

Не послушалась старуха:
 Дѣлала, что знала;
 Все видала молодая, —
 Сохла и молчала.
 Вышла ночью къ ворожейкѣ
 Допытаться слова:
 Долго ли на этомъ свѣтѣ
 Жить ей безъ милѡго?
 «Бабушка, голубушка,
 «Цвѣтикъ мой махровый!
 «Ты скажи, скажи всю правду, —
 «Гдѣ мой чернобровый?
 «Живъ ли онъ, здоровъ и любитъ,
 «Аль забылъ - покинулъ?
 «Я пойду за нимъ повсюду!
 «Живъ онъ, али сгинулъ?
 «Бабушка, голубушка,
 «Молви, если знаешь! —
 «Выдаетъ меня родная
 «За сѣдого замужъ.
 «Полюбить его, голубка,
 «Сердца не научишь.
 «Я бъ пошла да утопилась —
 «Душу, жаль, погубишь!

«Если умерь чернобровый,

«Сдѣлай, моя пташка,

«Чтобъ домой я не вернулась....

«Тяжко сердцу, тяжело!

«Тамъ со сватами ждетъ старый....

«Укажи жь мнѣ долю!»

— Хорошо. Сосни немного....

Помни жь мою волю!

Эхъ! сама была я дѣвкой,

Это горе знаю;

Миновало — научилась:

Людымъ помогаю.

Про твою я долю, дочка,

Прошлымъ лѣтомъ знала;

Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,

Зелье припасала. —

Встала старая и съ полки

Скляницу достала.

— Вотъ тѣ зелье! Выдь на рѣчку

До зари, сказала:

Пѣтухи пока не пѣли,

Поспѣши умыться,

Выпей зелья — и все горе

Прахомъ разлетится.

Выпей — и бѣги скорѣе;

Чтò бь тамъ ни казалось,

Все бѣги, пока не станешь

Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.

Отдохнешь; а какъ проглянетъ
 Мѣсяцъ изъ-за сада,
 Вышей снова; не прійдетъ онъ —
 Въ третій вышить надо.
 Съ разу — какъ за прошлымъ лѣтомъ —
 Будешь ты такую;
 Отъ другаго — середь стени —
 Топнетъ конь ногою.
 Если живъ казакъ, то мигомъ
 Онъ къ тебѣ прибудеть.
 А отъ третьяго... Ахъ, дочка,
 Не пытай, что будетъ!
 Только помни, не крестися —
 Все снесетъ водою...
 Ну, иди же! полюбуйся
 Пречней красотою! —

Взявши зелье, поклонилась:
 «Ну, прощай, бабуся!»
 Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?
 «Нѣтъ, ужь не вернуся!»
 Вмигъ умылась, напилась —
 И повеселѣла,
 Вотъ еще, еще — и, словно
 Сонная, загѣла:
 «Ты пльви, пльви же, лебедь,
 «По морю синѣму!
 «Ты расти, расти же, тополь,
 «Къ небу голубому!

- «Дорости, высокъ и тонокъ,
 «Вплоть до самой тучи,
 «Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
 «Аль загину, ждучи? . . .
 «Посмотри, какъ доростешь ты,
 «За синее море:
 «Тамъ за моремъ моя доля,
 «Здѣсь надъ моремъ — горе.
 «Тамъ мой милый, чернобровый
 «По полю гуляетъ;
 «А я плачу, годы трачу, —
 «Друга поджидаю.
 «Разскажи ему ты, сердце,
 «Что смѣются люди;
 «Ты скажи ему, что сгину,
 «Если позабудетъ.
 «Мать сама меня хоронить —
 «Въ землю зарываетъ. . . .
 «Безъ меня ее, родную,
 «Кто-то приласкаетъ?
 «Кто присмотритъ, кто разспроситъ,
 «Въ старости поможетъ?
 «Мать моя! моя ты доля!
 «Боже Ты мой, Боже!
 «Посмотри за море, тополь,
 «Если нѣтъ — не будетъ, —
 «Ты заплачь передъ зарею —
 «Не видали бъ люди!
 «Ты расти, расти же, тополь,
 «Къ небу голубому!

«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«Пò морю синёму!»

Такъ въ степи моя казачка П
Пѣла - распѣвала.
Зелье дива натворило —
Тополемъ вдругъ стала.
Не вернулась къ родимой,
Въ полѣ друга ждучи;
Доросла — тонка, высока —
Вплоть до самой тучи.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
Пò полю гуляетъ,
На краю дороги тополь
Долу нагибаетъ.

Н. Гербель.

УТОПЛЕННИЦА.

Вѣтеръ по лѣсу не рыщетъ —
Спитъ-опочиваетъ;

А пробудится — тихонько

Тростники пытается:

«Кто здѣсь косу холить, чешеть,

«Бродить по откосу?»

«Кто тамъ, кто тамъ за рѣкою

«Рветъ и треплетъ косу?»

«Кто же это? кто?» тихонько

Спроситъ онъ, повѣсть

И опять заснетъ, покамѣсть

Небо не зардѣетъ.

— «Кто же это? кто же?» спроситъ

Дѣвица иная.

Та, что ходитъ по откосу —

Дочка; а другая,

Что блуждаетъ за рѣкою —

Мать ея родная.

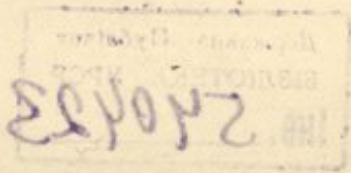
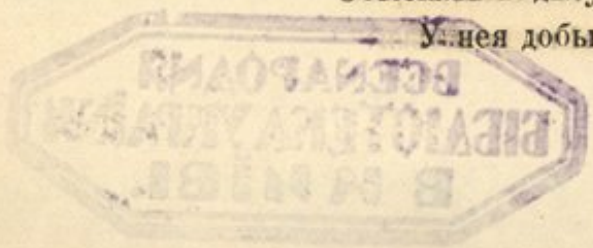
Ужь давнымъ-давно Украина
Ту былину знала,
Какъ въ селѣ, въ нарядной хатѣ
Вдовушка живала.
Черноброва, бѣлолица,
Статна да высѣдка. . . .
А въ жупанѣ, словно пани
Спереди и съ боку.
Молода была, пригожа,
А за молодою,
Да къ тому жь еще за вдовой
Кзаки ордою
Такъ и ходять. И ва нею
Вся орда ходила
До тѣхъ поръ, покамѣсть дочку
Вдовушка родила. . . .
И не тужить: къ добрымъ людямъ
Вызнала дорожку,
И сдала въ чужой деревнѣ
Дочку на кормѣжку.
Подождите, то ли будетъ!
Люди дочь растили,
А вдова-то — былъ ли праздникъ,
Или будни были —
Съ холостымъ ли, иль женатымъ —
Пшла да гуляла
До тѣхъ поръ, пока на горе
Ужь на тою стала:
Не слыхала, какъ минули
Красные годочки! . . .

Горе! горе! мать старѣетъ,
 Расцвѣтаетъ дочка,
 Выростаеъ... И вотъ Ганна
 Выросла на волѣ
 Высока, тонка и гибка,
 Словно тополь въ полѣ.
 «Я Ганнуси не боюся!»
 Мать имъ напѣваетъ;
 А молодчики смѣются,
 Да на дочь моргаютъ.
 Тутъ рыбакъ и подвернулся
 Бравый да кудрявой:
 Млѣетъ, сохнетъ, чуть сойдется
 Съ Ганною чернявой.
 Увидала мать-старуха —
 Къ ней простоволосой:
 «Вишь растрепанная погань,
 «Выкидышь ты босый!»
 «Разневѣстилась некстати,
 «Съ парнями гуляешь...»
 «Больно рано! — вотъ постой-ка!
 «Мать вѣдь не захаетъ,
 «Нѣтъ, голубка!»
 И, со злости,
 Съѣла бы, казалось...
 И то мать была! Гдѣ жъ сердце
 Женское дѣвалось?
 Сердце матери? ... Охъ, горько
 Такъ на свѣтъ родилась!

Красоту имѣть, а сердца
 Не имѣть, дѣвицы.
 Изогнется станъ высокій,
 Брови блекнуть станутъ,
 И не хвѣтите; а люди
 Смѣючись вспомнятъ
 Ваши годы молодые,
 Да и скажутъ — сваяла.
 Тяжко плакала Ганнуся,
 И сама не знала
 Отчего ее родная
 Даётъ-проклинаятъ,
 Безъ стыда дитя родное
 Выкидышемъ хаетъ.

Крѣпко мучила, томила —
 Все не помогало:
 Словно макъ на огородѣ,
 Ганна расцвѣтала;
 Какъ калина при долинѣ
 Подъ росистой зорькой,
 Красотой разубиралась,
 Мылась слезкой горькой.
 «Заколдована!... постой же!»
 Шепчетъ мать со злости:
 «Ужь пойду же я за зельемъ
 «Къ старой вѣдьмѣ въ гости!»
 Отыскала вѣдьму, зелья
 У нея добыла,

И тѣмъ зельемъ до разсвѣта
 Дочку напоила.
 Все нѣтъ толку... И съ досады
 Мать клянетъ, бывало,
 Тотъ и день и часъ, въ который
 — Дочь на свѣтъ рожала.
 «Душно мнѣ; пойдѣмъ-ка, дочка,
 «Въ озеро купаться».
 — Ладно, мама! —
 На откосѣ
 Стали раздѣваться.
 И раскинулась Ганнуся
 На сорочкѣ тонкой...
 А рыбацкъ чуть дышетъ, глядя
 Сквозь ивнякъ сторонкой...
 (Ахъ, и я, бывало!... вспомнишь —
 Стыдъ одолѣваетъ...)
 Какъ дитя, зеленой вѣткой
 Дѣвица играетъ,
 Станъ сгибаетъ, разгибаетъ,
 Да на солнцѣ грѣетъ.
 Мать глядитъ и отъ досады
 Млѣетъ и нѣмѣетъ;
 Растрепалася, босая
 «Ходить по откосу,
 Съ пѣной у рту; какъ шальная,
 Рветъ да треплетъ косу, —
 И вдругъ кинулася къ Ганнѣ,
 Въ косы ей вцѣпилася.

«Мама! мама! что съ тобою?»
 Бездна разступилась,
 Закипѣла, застонала
 И обѣихъ скрыла.
 Только тутъ рыбакъ очнулся —
 Знать проснулась сила —
 Въ воду кинулся; руками
 Волны разрываетъ,
 Вотъ доплылъ — нырнулъ въ пучину,
 Снова выплываетъ,
 И утопленницу Ганву
 На берегъ выносить,
 Изъ зачатыхъ рукъ старухи
 Вырываетъ косы.
 «Охъ ты сердце мое, доля!
 «Дай взглянуть мнѣ въ очи!
 «Погляди же, улыбнися!
 «Аль ужъ нѣтъ и мѡчи?»
 Плачетъ, падаетъ на землю,
 Очи ей цалуетъ,
 Раскрываетъ. «Погляди же!...
 «Нѣтъ, она не чувствуетъ!
 На песокъ лежитъ недвижно,
 Руки раскидала;
 Рядомъ съ нею мать-старуха
 Мертвая лежала:
 На лобъ выкатились очи
 Отъ ужасной муки;
 Глубокѡ въ песокъ впилися
 Скорченныя руки.

Долго плакаль чернобровый:
 «Нѣтъ у парня роду,
 «Нѣту доли здѣсь на свѣтѣ, —
 «Такъ пойдёмъ же въ воду!»
 Подняль дѣвицу — цалуеть....
 Бездна застонала,
 Разступилась, вновь закрылась,
 И слѣда не стало....

Съ той поры дорога къ пруду
 Заросла травою;
 Не купаются въ немъ дѣвки —
 Ходятъ стороною;
 А завидятъ — начинаютъ
 Набожно креститься,
 И зовутъ его заклѣтымъ....
 А въ ночи, дѣвицы,
 Выплываетъ мать-старуха,
 Сядетъ на откосѣ,
 Въ мокрой, порванной сорочкѣ,
 Рветъ и треплетъ косы,
 И глядитъ на берегъ дальній
 И чего-то просить....
 А волна межъ тѣмъ Ганнусю
 На берегъ выносить.
 Вся нагая, встрепенется,
 Сядетъ на песочкѣ....
 И рыбакъ плыветъ съ подаркомъ
 Ганнѣ на сорочку:

Онъ несетъ ей травъ душистыхъ;

Поцалуетъ въ очи —

Да и въ воду: любоваться

На красу нѣтъ мѡчи!

И никто того не знаетъ,

Что въ лѣсу бываетъ:

Только вѣтеръ у осѡки

Пошептомъ пытается:

«Кто тамъ, кто тамъ легкой тѣнью

«Бродить по откосу,

«И тоскуетъ и все чешетъ

«Шелковую косу?»»

Всеволодъ Крестовскій.

ПОРЧЕНАЯ.

Реветь и стонетъ Днѣпръ широкій,
Сердитый вѣтеръ вербы гнетъ,
И гребни волнъ горой высокой
Взметаеть вверхъ и вдаль несетъ.
А мѣсяць блѣдный той порою
Сквозь тучи изрѣдка сіяль,
Какъ чолнъ надъ бездною морскою,
То вынырять, то утопаль.
Еще въ селѣ не просыпались,
Три раза пѣтель не прощѣль;
Сычи въ лѣсу перекликались,
Да ясень гнулся и скрипѣль.

Въ эту пору у дубровы,
Подъ крутой горою,
Что-то бѣлое мелькаетъ,
Бродить надъ водою.
Можетъ быть русалка вышла
Мать искать сироткой,

Али парня ждётъ, чтобъ ночью
 Извести щекоткой.
 Нѣтъ! — то дѣвица гуляетъ,
 И сама не знаетъ
 (Знать, испорчена бѣдняжка),
 Что въ ночи блуждаетъ.
 Такъ колдунья сворожила,
 Чтобы не скучала,
 Чтобъ, бродя въ глухую полночь,
 Спала - поджидала
 Казака, что прошлымъ лѣтомъ
 Бѣдную покинулъ,
 Обѣщавъ воротиться,
 Да, должно быть, сгинулъ!
 Не китайкой синей очи
 Зоркія покрылись,
 Не дѣвичьи слезы градомъ
 На лицо катились:
 Воронъ вынулъ кари-очи
 Средь чужого поля,
 Тѣло волки растерзали, —
 Знать, такая доля!
 Ночь, — а дѣвица милого
 Ждетъ да поджидаеть.
 Не вернется чернобровый
 И не приласкаетъ,
 Не расчешетъ чудо-косу,
 Шей не повяжетъ:
 Не въ постель она — въ могилу
 Сиротою ляжетъ.

Такая
 За что
 За то
 Казац
 Кого
 Одна,
 Пошли
 А то
 Винов
 Аль в
 Тоску
 Что м
 Счаст
 Летит
 Кого
 И кто
 Гдѣ
 Аль
 Аль
 И че
 Когд
 За с
 Жив
 А кт
 Не т
 Не т
 Жит
 «Кр
 О, Б
 Так

Такая ей доля... Господняя сила!
 За что жь ты караешь ея красоту?
 За то ль, что такъ крѣпко она полюбила
 Казацкія очи? ... Прости сироту!
 Кого жь ей любить? — ни отца, ни родимой...
 Одна, какъ касатка въ далёкомъ краю.
 Пошли жь ты ей долю — быть также любимой;
 А то засмѣютъ сиротину мою.
 Виновна ль голубка, что голубя любитъ?
 Аль виненъ тотъ голубь, что наль подъ грозой?
 Тоскуетъ голубка, да думу голубить,
 Что можетъ въ лѣсу заблудился милый.
 Счастлива голубка: высоко летаетъ, —
 Летитъ она къ Богу — про друга пыгаетъ...
 Кого жь сиротина разспросить — узнаетъ,
 И кто ей расскажетъ, и какъ кому знать,
 Гдѣ милый почуветъ: въ лѣсу ль, въ чуждомъ краѣ,
 Аль поитъ коня во быстромъ во Дунаѣ,
 Аль можетъ другую давно полюбилъ,
 И черныя брови ея позабылъ?
 Когда бы имѣла орлиныя крылья,
 За синимъ бы моремъ милого нашла;
 Живого бъ — любила, её бъ — задушила,
 А къ мертвому въ яму сама бы легла.
 Не такъ любить сердце, чтобъ съ кѣмъ подѣлиться,
 Не такъ оно хочеть, какъ Богъ намъ велитъ:
 Жить сердце не хочеть, не хочеть крушиться.
 «Крушись!» молвитъ думка, и горе сулитъ.
 О, Боже мой! знать такова Твоя воля,
 Такое ей счастье, такая ей доля!

Она все ходитъ, съ усть ни вздоху. . . .
 Тиха Днѣпра стальная грудь:
 Разбивъ мракъ тучъ, съ переполоху,
 Лѣгъ вѣтеръ къ морю отдохнуть;
 А мѣсяцъ по небу гуляетъ,
 И лѣсъ и воду озаряетъ;
 Кругомъ, какъ въ ухѣ, все молчитъ.
 Анъ глядь — смѣясь повынырjala
 Толпа дѣтей изъ водной мглы.
 «Пойдемъ-ка грѣться!» закричала:
 «Зашло ужъ солнце!» (Всѣ голы;
 Густыя косы изъ осоки,
 Затѣмъ, что дѣвочки)
 «Аль всѣ вы тутъ?» скликаетъ мать:
 «Пойдемъ-ка ужина искать.
 «Запоемъ-ко, поиграемъ,
 «Съ нашей пѣсней погуляемъ!
 «Ухъ! ухъ!
 «Соломенный духъ, духъ!
 «Мать меня на свѣтъ рожала,
 «Некрещеную бросала.
 «Мѣсяцъ нашъ!
 «Ты голубчикъ нашъ!
 «Приходи ты къ намъ на ужинъ:
 «Съ нами парень; онъ недужень,
 «Спитъ въ зеленомъ тростникѣ;
 «Злотъ-перстень на рукѣ;
 «Молодъ, статень, черны брови;
 «Мы нашли его въ дубровѣ.
 «Свѣтъ свой дольше лей по пдлю, —

«Нагуляться бы намъ въ волю.
 «Пока вѣдъмы пролетаютъ,
 «Пѣтухи не запѣваютъ,
 «Посвѣти намъ. . . . Кто-то ходитъ!
 «Вонъ подъ дубомъ кто-то бродитъ!
 «Ухъ! ухъ!
 «Соломенный духъ, духъ!
 «Мать меня на свѣтъ рожала,
 «Некрещёную бросала.»

Захотали зубоскалки. . . .
 Лѣсъ отозвался: зыкъ и вой. . . .
 Какъ сумасшедшія, русалки
 Подъ дубъ кидаются толпой.

Притаилися — и смотрятъ,
 Смотрятъ сквозь листьвины:
 Что-то на дерево лѣзетъ
 До самой вершины.
 Это дѣвица всходила,
 Что во снѣ бродила,
 Потому-что ей колдунья
 Такъ приворожила.
 Влѣзла, стала на вершинѣ,
 (Подъ сердце подводитъ!)
 Вкругъ взглянула, поглядѣла
 И на землю сходить.
 Некрещенные вкругъ дуба
 Молча поджидали;

Подхватили молодую
 И защекотали.
 Долго, долго дивовались
 На ея породу...
 Третьи пѣтелы пропѣли —
 Побросались въ воду.
 Залился, взлетая къ небу,
 Жаворонокъ звонкой;
 И кукушка гдѣ-то стала
 Куковать сторонкой;
 Соловей запѣлъ-защѣлкаль...
 Мѣсяць потухаетъ;
 Зорька рдѣетъ за горою;
 Пахарь напѣваетъ.
 Лѣсъ чернѣетъ за горою,
 Гдѣ Ляхи ходили;
 Засинѣли длиннымъ рядомъ
 Надъ Днѣпромъ могилы;
 Шелестъ, гулъ пошолъ дубровой;
 Шепчутся былинки.
 А дѣвица спитъ подъ дубомъ
 На краю тропинки.
 Знать, что крѣпко спитъ — не слышитъ
 Гула на разсвѣтъ,
 Не пытается у кукушки —
 Долго ль жить на свѣтѣ?
 Той порой казакъ изъ лѣсу
 Ёдетъ — выѣзжаетъ;

Конь подъ нимъ, какъ воронъ черный,
Чуть переступаетъ.

«Изнемогъ ты, знать, товарищъ!»

«Скоро — прочь забота:

«Близко хата, гдѣ отворить —

«Дѣвица ворота.

«Ужь, быть можетъ, отворила,

«Да не мнѣ — другому.

«Шибче, конь! несись стрѣлою

«Ты къ селу родному!»

Притомился конь ретивый,

Шагъ — и спотыкнется.

А вокругъ сердца удалого

Дума змѣемъ вѣется.

Вотъ и онъ, тотъ дубъ кудрявый....

«Боже! Катерина!

«Вишь, заснула, поджидая,

«Милая дѣвчина!»

Кинулъ поводъ — и къ желанной.

«Боже Ты мой, Боже!»

Кличетъ милую, цалуетъ....

Не помѣчь....

«За что же,

«Охъ, за что же разлучили

«Насъ они съ тобою?»

Засмѣялся, разбѣжался,

Да въ дубъ головою.

Вотъ идутъ жницы въ полѣ жать,
 Да распѣваютъ идучи:
 Какъ провожала сына мать,
 Какъ бились нехристи въ ночь.
 Идутъ — подъ дубомъ ворондой,
 Понутивъ голову, стоитъ,
 Съ нимъ рядомъ парень молодой
 Съ пригожей дѣвицей лежитъ.
 И къ парню каждая спѣшитъ,
 Чтобы, подкравшись, испугать;
 Взглянули — видятъ, что убить,
 И съ перенугу — ну бѣжать.

Собиралися подружки,
 Слезы утираютъ;
 Собиралися сосѣди,
 Ямы имъ копаютъ....
 Шли священники съ крестами....
 Много было звону....
 Схоронили цѣлымъ міромъ,
 Съ честью, по закону,
 И насыпали надъ ними
 Двѣ могилы въ житѣ.
 Кто допытываться станетъ,
 Какъ они убиты?
 Посадили надъ удалымъ
 Яворъ и рябину,
 А надъ дѣвицей пригожей
 Красную калину.

Прилетаетъ къ нимъ кукушка
 Куковать зарями;
 Прилетаетъ соловейко
 Щебетать ночами;
 И поетъ, покамѣстъ мѣсяцъ
 Встанетъ, загорится,
 Да русалки изъ пучины
 Выйдутъ порѣзвиться.

Всеногодъ Крестовскій.

ДУМА.

Льются волны въ сине море,
Да не вытекають;
Ищетъ доли казачина, —
Долюшки не знаетъ.

И пошелъ казакъ по свѣту
Бьѣтся сине море,
Бьѣтся сердце въ немъ, а дума
Говоритъ про горе:

«Ты куда идешь — не спросишь?
На кого покинулъ
Мать свою, отца родного,
Милую дѣвчину?»

«Тамъ не тѣ — иные люди, —
Тяжко жить межъ ними!
Не съ кѣмъ будетъ подѣлиться
Думами своими».

И сидитъ казакъ надъ моремъ....
Бьётся сине море.
Думалъ, доля повстрѣчаетъ, —
Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
Цѣлыми стадами.
Зарыдалъ казакъ: дороги
Поросли терна́ми.

И. Гербель.

ДУША.

Вѣтеръ буйный, вѣжъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине море!

Море знаетъ, гдѣ играетъ
Милый другъ съ волною;
Море скажетъ, гдѣ онъ ляжетъ
Буйной головою.

Если друга загубило,
Ты взволнуй пучину:
Я пойду искать милóва;
Утоплю кручину

.
.
.
.

Припаду къ милѣму другу,
Сердцемъ обомлѣю:
Пусть тогда несутъ насъ волны,
Куда вѣтеръ вѣетъ!

Если жь встрѣтишь мила друга
За моремъ далѣко,
Разспроси ты, какъ живется
Другу одиноко.

Если веселье — я кручину
Утоплю въ пучину;
Если плачетъ — я заплачу;
Сгибъ — и я загину!

Мчи тогда меня въ чужбину,
Гдѣ лежитъ мой милый:
Стану красной я калиной
Надъ его могилой.

Сиротинѣ на чужбинѣ
Другу легче станеть,
Какъ придетъ милая, глянетъ,
Вѣточки протянетъ.

Тѣ бы вѣтви сѣнью стали
Надъ его могилой,
Чтобы люди не топтали,
Солнце не палило.

Въ ночь поплачу я, покамѣсть
Въ небѣ мѣсяць свѣтитъ;
Встанеть солнце — вытру слёзы, —
Люди не замѣтятъ!

Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине море!

И. Бергъ.

ДУША.

«Горько, тяжело жить на свѣтѣ
Сиротѣ безъ роду:
Негдѣ дѣться, пріютиться, —
Хоть съ горы да въ воду!
Утопился бѣ горемычный,
Чтобы не томиться;
Утопился бѣ, — тяжело сердцу,
Негдѣ схорониться.
У иного доля въ полѣ
Колоски собираетъ;
А моя далеко гдѣ-то
За моремъ гуляетъ.
Кто богатъ, того на свѣтѣ
Люди уважаютъ;
А меня, какъ повстрѣчаютъ,
Словно и не знаютъ.
За богатымъ, тороватымъ
Дѣвки такъ и вьются;
Надо мною, сиротою,
Красныя смѣются.

Аль пришелся не по сердцу,
Какъ съ тобой спознался?
Аль люблю тебя некрѣпко?
Али насмѣхался?
Ты люби, моя голубка,
Какъ умѣешь-знаешь,
Да не смѣйся надо мною,
Ежели вспомянешь.
Я жь пойду бродить по свѣту
Исхожу чужбину —
Аль найду тебя пригожѣй,
Аль, какъ листъ, загину.»

И пошелъ казакъ, горюя —
Никого не кинулъ;
Думалъ — долю въ чуждомъ полѣ
Сыщеть, — да и сгинулъ.
Умирая, все на солнце
Онъ глядѣлъ, печальный
Тяжко съ свѣтомъ разставаться
На чужбинѣ дальней!

Н. Гербель.

ДУМА.

Для чего мнѣ черны брови,
Молодые годы?
Для чего мнѣ кари очи,
Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
Блѣкнуть, увядаютъ;
Очи плачутъ, черны брови
Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вянетъ безъ участя
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья!

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою:
Межъ своими, межъ родными
Стала я чужою.

Что имъ въ томъ, что плачутъ очи! —

Кто меня разспросить? . . .

Да и нѣкому повѣрить,

Что такъ сердце просить, —

Что такъ сердце, какъ голубка,

День и ночь воркуеть. . . .

И никто его не спросить,

Сердцемъ не почуветь.

И никто меня не спросить. . . .

И къ чему тревожить! . . .

Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,

Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,

Если плакать въ силѣ,

Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ

Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слёзы буйный

За лѣса, за море,

Чернобровому злодѣю

На лихое горе!

И. Гербель.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

I.

Было время — по Украинѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали;
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все-то минуло — остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелѣтнымъ
Шепчутся про волю.

Славу дѣдовскую вѣтеръ
 По полю разноситъ. . . .
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ,
 И съ той пѣсней коситъ.

Было время — на Украинѣ
 Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь —
 По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
 И теперь вспомнень,
Какъ-то легче станетъ сердцу,
 Веселѣе взглянешь.

II.

Встала туча надъ Лиманомъ,
 Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
 Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что жь, ребята,
 «Время мы теряемъ?»
«Въ лодки! — море расхотилось:
 «То-то погуляемъ!»

Высыпаютъ запорожцы;
 Вотъ Лиманъ покрыли
 Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
 Волны заходили....
 За волнами, за горами
 Берега пропали.
 Сердце ноетъ; казаки же
 Веселѣ стали.
 Плещутъ веслы; пѣсня льется;
 Чайка вокругъ порхаетъ....
 Атаманъ въ передней лодкѣ —
 Путь-дорогу знаетъ.
 Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
 Трубку сжалъ зубами;
 Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
 Гдѣ бѣ сойтись съ врагами?
 Закрутилъ онъ усъ свой черный,
 Векинулъ чубъ косматый;
 Поднялъ шапку — лодки стали....
 «Сгинь ты, врагъ проклятый!
 «Поплывемте не къ Синопу,
 «Братцы атаманы,
 «А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
 «Къ самому султану.»
 — Ладно, батька! — загремѣло.
 «Ну, спасибо, братцы!»
 И накрылся.

Вновь горами
 Волны громоздятся....

И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходить, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

Мих. Михайловъ.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

За селомъ кобзѣрь на кобзѣ
Жалобно играетъ;
Вкругъ молодчики да дѣвки
Макомъ расцвѣтаютъ.
Онъ играетъ, распѣваетъ,
Говоритъ словами,
Какъ Москва, Орда и Ляхи
Бились съ казаками.
Какъ *промада* *) собиралась
Въ воскресенѣ рано;
Хоронили казачину
Въ полѣ у кургана.
И поетъ кобзѣрь, играетъ —
Горе съ нимъ смѣется:

«Было время — Сѣчь стояла, —
Было, не вернется!»

*) Сходка, мѣръ.

Встала туча изъ-за моря,
 А другая съ поля;
 Закручинилась Украина:
 Знать, такая доля!
 Закручинилась Украина,
 Какъ дитя, рыдаетъ.
 Не приходятъ къ ней на помощь....
 Вольность погибаетъ;
 Гибнетъ слава; негдѣ дѣться, —
 Мѣста нѣтъ на свѣтѣ;
 Некрещёнными казачьи
 Вырастаютъ дѣти;
 Неповѣнчанныя пары....
 Безъ поа хоронять;
 Вѣра куплена жидами, —
 Вонъ изъ церкви гонять!
 Какъ тѣ вѣроны на полѣ,
 Съ Ляхами, станицей
 Налетаютъ униаты, —
 Некому вступиться.
 Отозвался Наливайко —
 Пала съ нимъ *кравчина* *)!
 Отозвался въ слѣдъ Павлюга —
 Сгинулъ казачина!

*) Народное названіе ополченія Наливайки. Въ отвѣтъ на насмѣшки шляхты, упрекавшей Наливайку тѣмъ, что онъ сынъ *кравца* (портнаго), дружина его, изъ гордости, стала называть себя *кравчиною*, т. е. портнягами, и подъ этимъ именемъ воспѣвала себя въ пѣсняхъ.

Отозвался панъ Трясило
 Горькими слезами:
 «Ненаглядная Украина
 «Стоптана Ляхами!»

«

«Отозвался на защиту
 Панъ Тарасъ Трясило,
 Отозвался: не забудутъ
 Ляхи нашей силы!
 Отозвался панъ Трясило:
 «Полно вамъ крушиться!
 «А пойдёмъ-ка лучше, братцы,
 «Съ Поляками биться!»

«Ужь не три дни, не три ночи
 Бьется панъ Трясило.
 Отъ Лимана до Трубайла
 Землю кровь вспоила.
 Изнемогъ казакъ, — нѣтъ силы,
 Тяжко закрушился;
 А поганый Конецпольскій
 Крѣпко ободрился:

Вкругъ себя собираетъ шляхту —
 Пировать до свѣта.
 Казаковъ Тарасъ собираетъ —
 Попросить совѣта:
 «Атаманы, панибраты,
 «Господа-громада *)!»
 «Дайте мнѣ совѣтъ хорошій,
 «Что намъ дѣлать надо?
 «Торжествуютъ вражки Ляхи
 «Наше безголовье» **).
 — Пусть пируютъ, торжествуютъ,
 Пусть ихъ — на здоровье!
 Пусть поютъ, покамѣстъ солнце
 За горою сядетъ,
 А казакъ, какъ ночь наступитъ,
 Съ паномъ-Ляхомъ сладитъ! —

«Сѣло солнце за горою;
 Звѣзды засіяли.
 Казаки, какъ-будто туча,
 Ляховъ окружали.
 Только мѣсяцъ сталъ средь неба
 Пушка взговорила;
 Всполошились паны-Ляхи,
 Да ужъ поздно было.

*) Буквальный переводъ украинскаго выраженія: *панове громадо*.

***) То есть — невзгоду, несчастіе.

Всполошились паны-Ляхи,
 Да уже не встали:
 Встало солнце — паны-Ляхи
 Мертвые лежали.

«Альта красною змѣю
 Вѣсть несетъ повѣдать,
 Чтобы вѣроны летѣли
 Падали отвѣдать.
 Тучей вѣроны слетѣлись —
 Ляховъ добудиться;
 Все казачество собралось
 Богу помолиться.
 И закаркали ворѣны,
 Вынимая очи;
 Казаки запѣли пѣсню
 Подъ покровомъ ночи, —
 Той кровавой, темной ночи,
 Чтѣ на вѣки стала
 Славой войска и Тараса,
 Чтѣ Ляхѣвъ заспала.

«Надъ рѣкой, въ степи, могила
 Выситя, чернѣеть;
 Гдѣ казачья кровь лилася —
 Травка зеленѣеть.
 Вѣронь, съ голоду, печально
 На могилѣ кричетъ....

Вспомнитъ Сѣчь казакъ за плугомъ,
Вспомнитъ — и заплачетъ.»

Смолкъ кобзарь, горя: руки
Что-то не играютъ.
Вкругъ молодчики да дѣвки
Слезы утираютъ.

Всталъ кобзарь, да какъ, съ кручины,
Грянетъ-заиграетъ:
Мигомъ мѳлодцы въ присядку,
А онъ припѣваетъ:

«Вотъ какъ будетъ, поглядите:
Дѣти, дома посидите!
Самъ въ шинокъ пойду съ печали;
Тамъ я жонку повстрѣчаю,
Повстрѣчаю — подѣлюся,
Надъ врагами посмѣюся!»

И. Гербель.

«Чт

Чтс

Вѣт

Нап

Ты

То

Хо

Хо

ГАШАЛЪЯ.

«Что ни вѣтру, ни волны отъ родимой стороны,
Отъ Украины милой!
Что-то наши не летятъ: видно биться не хотятъ
Съ некрещеной силой!
Вѣтеръ, вѣтеръ, зашуми! въ морѣ синемъ подыми
Дѣ неба пучину!
Наши слезы осуши, наши вздохи заглуши
И развѣй кручину!
Ты волной изъ края въ край, море синее, взыграй,
Взвой подъ байдаками:
То казаки къ намъ плывутъ, скоро-скоро будутъ тутъ,
Загуляютъ съ нами!
Хоть бы то и не по насъ, — добрый путь имъ въ
добрый часъ
Дай, великій Боже!
Хоть взглянуть на нихъ глазкомъ! наши головы потомъ
Веселѣй мы сложимъ!»

Такъ-то въ крѣпости въ Скутари казаки поють-гу-
 тарюють;
 Что на слезы ихъ горючи взвыль Босфоръ могучій,
 Всталъ, широкій, встрепенулся, къ морю онъ мет-
 нулся,
 И понесъ онъ въ сине море казацкое горе,
 Сине море подхватило, къ Днѣпру прикатило —

Рѣчи братнихъ голосовъ,
 Вѣсточку изъ плѣна.
 Всталъ нашъ дѣдъ; съ сѣдыхъ усовъ
 Побѣжала плѣна;
 Зашумѣлъ онъ: «слышишь, Лугъ!
 Ты, сестра-Хортица!»
 — Слышу, слышу, братецъ-другъ! —
 Молвила сестрица.

Днѣпръ покрыли байдаки;
 И запѣли казаки:

«У Турчанки молодой
 На сторонущкѣ на той
 Хата на помостѣ.
 Море синее, играй!
 Скалы черныя ломай!
 Къ ней мы ѣдемъ въ гости!»

«У Турчанки молодой
 Сундуки, лари съ казной,
 И всего есть въ волю.
 Не кармаңы вытряхать —
 Ъдемъ рѣзать, — выручать
 Братьевъ изъ неволи!

«У Турчанки молодой
 Янычаровъ съ ихъ пашой
 Цѣлая арава!
 Мы управимся съ врагомъ!
 Умирать намъ нипочемъ!
 Наша воля, слава!»

Такъ-то плыли, распѣвали:
 Весело казѣкамъ.
 Атаманъ ихъ Гамалѣя
 Управлялъ байдакомъ.
 Только сердце Гамалѣи
 Вдругъ захолонуло:
 Заиграло сине море,
 Байдакомъ рвануло.
 Да не больно снѣ моря
 Наши испугались:
 За волнами, за горами
 Спрятались, сховались.

Дремала въ гаремѣ — въ раю Византія,
 Дремалъ и Скутари; лишь шумень Босфоръ:
 Реветъ и клокочетъ, какъ-будто бы хочетъ
 Старикъ съ Византіей вступить въ разговоръ;
 Но море въ ту пору сказало Босфору:
 «Молчи, а не то твои рѣбра-валы
 Отъ краю до краю пескомъ закидаю!
 Смотри-ка, какіе летятъ соколы!»

И море завыло (знать нашихъ любило).
 Босфоръ испугался; утесы дрожатъ.
 Турчанка не внемлетъ. Султанъ же — тотъ дремлетъ.
 Лишь только въ Скутари казѣки не спятъ:
 Все очи возносятъ, Всевышняго просятъ,
 И въ гости кого-то изъ-за моря ждуть;
 А волны-то скачутъ, и воютъ, и плачутъ,
 И на берегъ рвутся, и страшно ревутъ.

«Всемогущій покровитель
 Всей Украйны милой,
 Нашъ защитникъ и хранитель,
 Господи, помилуй!
 Горьки слезы льемъ рѣкою
 Здѣсь и дни, и ночи;
 А умремъ — чужой землею
 Намъ засыплютъ очи!
 Запорожцамъ вѣрнымъ, Боже,
 Возврати свободу!...»

— Бей невѣрныхъ! — Это кто же?
Тьма кругомъ народу!

То они, невѣрныхъ страхъ,
То казаки на валахъ,
 То на Гамалѣѣ
 Шапочка алѣеть!
Вотъ и пушки, лежа въ рядъ,
На Скутари говорятъ,
 Но казачество смѣло
 Градомъ овладѣло.
Разбиваютъ казаки
У тюрьмы лихой замки,
 Слышутъ соколята
 Гамалѣю - хвата.
«Вольны пташки, изъ тюрьмы
Вылетаемъ снова мы.»
 Ночь, и та проснулась,
 Словно встрепенулась;
Засмотрѣлся цѣлый міръ
На казацкій славный пиръ;
 Всѣ при Гамалѣѣ
 Стали веселѣе.
«Что въ потьмахъ намъ ѣсть шишмыкъ!
Мы огня добудемъ въ мигъ!»
 Вплоть до самой тучи
 Дымъ встаетъ летучій:
Гамалѣевцы зажгли
На Босфорѣ корабли.

Видя Византія
Огнища такія,
Пробудилася — и вотъ
Помогать своимъ плывётъ,
Яростно скрежещеть
И очами блещеть;
Вотъ ужъ близко, доплыла —
И на пикахъ замерла.
Какъ въ аду, Скутари
Мечется въ пожарѣ;
По базарамъ кровь течеть
И въ Босфоръ широкій льеть;
А въ дыму казàки
Вьются, точно птахи,
Добываючи добро;
Жемчуги и серебро
Шапками таскають,
Въ лодки насыпають;
Трубки въ полымѣ зажгли,
Къ байдакамъ своимъ пошли;
По волнѣ кровавой
Поплыли со славой.
По волнамъ они плывутъ,
Сами пѣсенки поютъ:

«Атаманъ нашъ Гамалѣя,
Атаманъ завзятый!
Знають Турки Гамалѣю,
Знають супостаты!

Какъ поѣхалъ Гамалѣя
 По морю гуляти,
 По синю морю гуляти,
 Братьевъ выручати.
 Какъ пріѣхалъ онъ въ Скутари,
 Гдѣ свои бѣдуютъ,
 Дожидаясь лютой казни,
 Плачутъ и горюють.
 Крикнулъ-гаркнулъ Гамалѣя:
 «Братья, биться будемъ!
 Будемъ жить да пить горѣлку,
 Горе позабудемъ!
 Будемъ бить поганыхъ Турокъ,
 Воевать съ Ордою;
 Курени же крыть атласомъ,
 Золотой парчею!»

Выѣзжали запорожцы
 Въ поле жито жати;
 Жито сжали, въ копны склали,
 Пѣсни зачинали:
 «Честь и слава, Гамалѣя,
 Атаманъ нашъ смѣлый,
 Честь тебѣ на всю Украину
 И на весь свѣтъ бѣлый,
 Что казѣковъ, нашихъ братьевъ,
 Не хотѣлъ покинуть,
 Что ты нѣ даль на чужбинѣ
 Имъ въ неволѣ сгинуть!»

Такъ плывутъ, забывши горе,
Казакѣ чрезъ сине море.
Гамалѣя свой народъ
Какъ орель орлять блюдетъ.
Страшно гнаться супостату:
Онъ боится за Галату,
Чтобы снова молодецъ
Не спалилъ ее Чернецъ;
А не то Иванъ Подкова
Ихъ не вызвалъ въ море снова.
Гамалѣй домой летитъ.
Солнце волны золотитъ
Заходящими лучами,
А подъ нашими ладьями
Море Черное шумитъ....

И. Бергъ.

ПЛАТОКЪ.

Аль была ужь Божья воля,
Аль ея дѣвичья доля,
Что въ чужой семьѣ вскормилась,
Съ сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Безталанной смотритъ въ очи
И воркуеть у сосѣдки
Съ ней съ утра до поздней ночи.
Говорили - ворковали,
Госпожинокъ поджидали.
Дождался....

Въ Чигиринѣ
Всю Украину созвонили,
Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
Сабли острия точили,
На веселый пиръ собирались

*

На казацкое веселье —
На кровавое похмѣлье.

Въ воскресеньѣ, рѣннымъ-рано,
Сурмы-трубы заиграли,
Съ красной зорькой компанейцы
Въ путь-дорогу выступали.
Провожала мать-вдовица
Своего роднаго сына,
И сестра роднаго брата,
Сиротину сиротинка
Провожала: вороному
Налила воды студеной,
И сняла съ стѣны винтовку
Вмѣстѣ съ саблей золоченой.
Провожала за три поля,
Попрощалась при долини
И дала дружку платочекъ,
Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.

Охъ, платокъ ты мой, платочекъ,
Шитый шелкомъ по узору!
На сѣдлѣ тебѣ казачьемъ
Красоваться только впору!

А она-то, сиротинка,
Опознала грусть-тревогу:

Что ни свѣтъ-заря, выходитъ
 Каждымъ утромъ на дорогу,
 А въ воскресный день съ кургана
 Смотрить. . . . Очи помутились. . . .

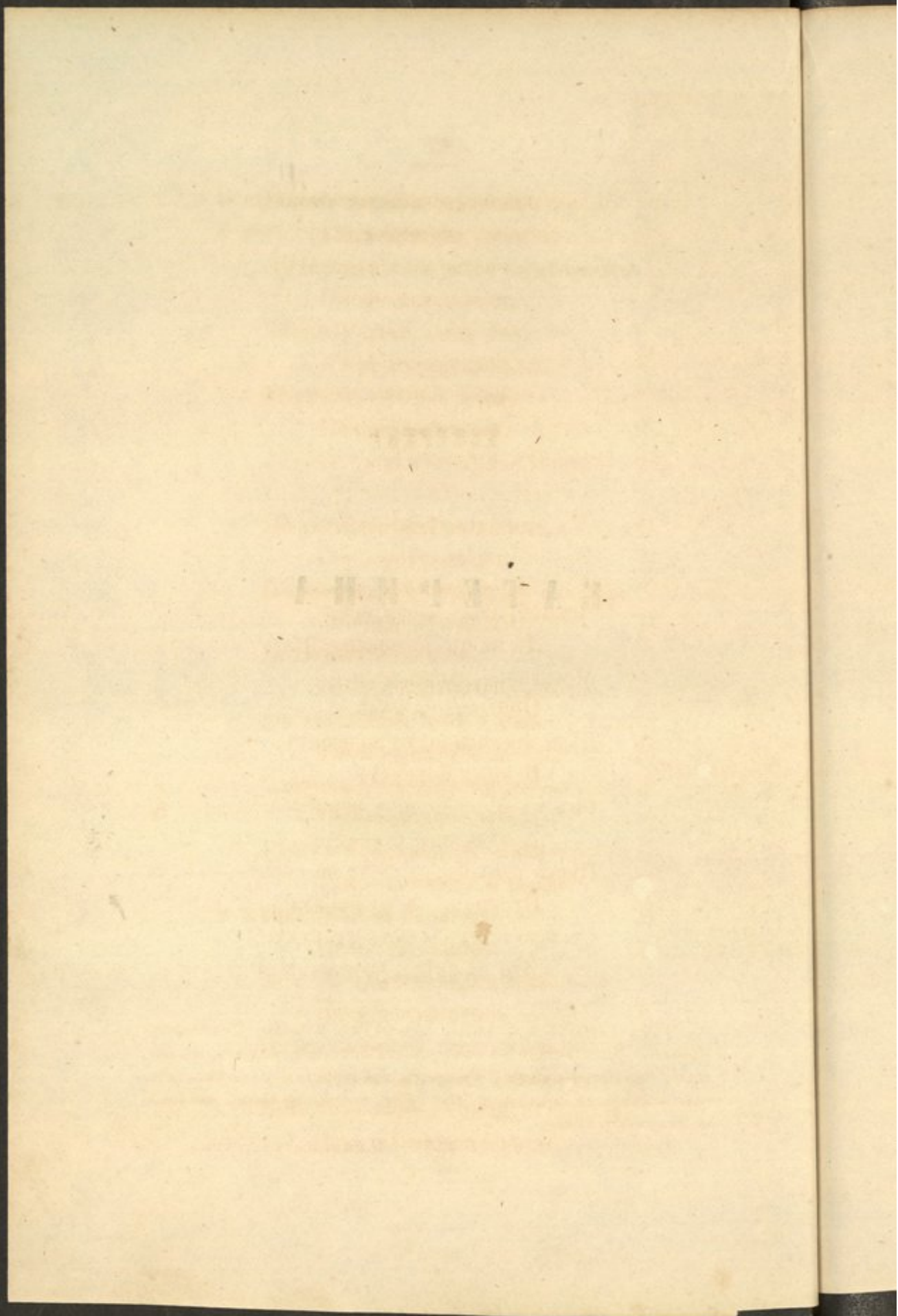
Черезъ два года на третій
 Компанейцы воротились.
 Рать гремитъ, гремитъ другая,
 А за третьей ратью тихо
 (Не гляди туда, голубка!)
 Не добро везуть, а лихо:
 Гробъ везуть, китайкой крытый,
 И со двухъ сторонъ у гроба
 Самъ полковникъ съ старшиною
 Въ черныхъ свѣткахъ идутъ оба,
 Самъ полковникъ компанейскій,
 Характерникъ съ Сѣчи — значить;
 Слѣдомъ — паны эсаулы. . . .
 Кто идетъ за гробомъ — плачетъ. . . .
 И несутъ они доспѣхи:
 Брѣню крѣпкую, литую,
 Всю въ рубцахъ, въ разсѣчкахъ вражьихъ,
 Да и саблю золотую,
 А за саблей три винтовки,
 Да еще три самопала;
 И по всемъ по нимъ казачья
 Кровь горячая бѣжала.
 Охъ! ведутъ и воронова:
 Поразбиты все копыты;

И платкомъ шелковымъ, шитымъ,
У него сѣдло покрыто.

Л. Мей.

КАТЕРИНА

ПОВѢСТЬ

КАТЕРИНА.

I.

Чернобровья, любитесь,
Да не съ москалями *):
Москалі — чужіе люди,
Помыкаютьъ вами.
Вѣдь москаль шутя полюбитъ,
И шутя покинетъ:
Онъ въ Москѡвщину вернется,
А бѣдняжка сгинетъ....
Пусть одна-бъ.... еще не горе!
Пусть.... а то могила
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Что на свѣтъ родила.

*) Въ Украинѣ москалемъ называютъ каждого Великороссіянина (Московца), и въ особенности военнаго, солдата, въ отличіе отъ казака. Даже Украинецъ, сдѣлавшійся солдатомъ, есть уже *москаль*, по пословицѣ: *Якъ надівъ московську сумку, то взявъ и московську думку.*

Сердце вянетъ, распѣвая,
 Какъ причину знаетъ;
 Люди сердца не разспросятъ —
 Прямо осуждаютъ.
 Чернобровыя, любитесь,
 Да не съ москалями:
 Москальи — чужіе люди,
 Помыкаютъ вами.

Не послушалась родимыхъ
 Сердце-Катерина:
 Полюбила, какъ умѣла,
 Москаля дѣвчина.
 Полюбила молодаго,
 Въ садъ къ нему ходила,
 Въ садъ, пока себя и долю
 Тамъ не загубила.
 Кличетъ мать ее *вечерять* —
 Не докликнетъ дочку;
 Гдѣ съ москальникомъ гуляетъ,
 Тамъ проспитъ и ночьку.
 Не двѣ ночи кари очи
 Катря цаловала. . . .
 А межъ тѣмъ дурная слава
 На деревнѣ стала.
 Пусть позорятъ злые люди, —
 Чтò ей въ томъ позорѣ?
 Полюбила — не слыхала,
 Какъ подкралось горе.

Пронесли дурныя вѣсти —
 Въ трубы затрубили.
 На войну москаль поѣхалъ;
 Дѣвицу *покрыли* *).
 Не печалитъ Катерину,
 Что коса покрыта:
 Любы слезы, словно пѣсни,
 Если не забыта.
 Обѣщался чернобровый,
 Если цѣль вернется,
 Обѣщался къ ней пріѣхать.
 То-то заживется:
 Будетъ дѣвица московкой,
 Горе позабудетъ;
 А пока — пусть осуждаютъ,
 Пусть смѣются люди.
 Не тоскуетъ Катерина —
 Слезы утираетъ,
 Что ее съ собой подружки
 Пѣть не заываютъ.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Хоть и плачутъ очи —
 Съ коромысломъ за водою
 Выйдетъ о-поль-ночи,
 Чтобъ враги не увидали;
 Подойдетъ къ *криницѣ* **),

*) Въ Украинѣ дѣвушка, уличенная въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ не покрытой головою; её *покрываютъ* насильно, тѣ есть повязываютъ голову, какъ замужней. Такую дѣвушку называютъ *покрытою*.

**) Криница — ключъ, превращенный въ водоёмъ.

Станетъ возлѣ подь калиной,
 Запоетъ про «Гриця» *).
 И калина плачетъ — столько
 Въ пѣсни той печали.
 Воротилася — и рада,
 Что не повстрѣчали.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Тяжкихъ думъ не знаетъ —
 У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
 Друга поджидаетъ.
 Поджидала Катерина
 Цѣлые полгода;
 Защемило возлѣ сердца —
 Подошла невзгода.
 Расхворалась Катерина,
 Еле-еле дышетъ. . . .
 Вотъ оправилась — и въ люлькѣ
 Мальчика колышетъ.
 А сосѣдки-щебетухи
 Матери толкуютъ,
 Что моска́лики приходятъ,
 Да у ней почують:
 «У тебя не одиночка
 «Молодая дочка,
 «А качаетъ въ колыбели
 «Москаля-сыночка.
 «Черноброваго сыскала. . . .
 «Вмѣстѣ, знать, грѣшили. . . .»

*) Извѣстная украинская пѣсня.

Чтобъ васъ, вѣдъмы-щебетухи,
Злыдни задавили!

.....
.....

Катерина, разразилось
Горе надъ тобою!
Гдѣ ты въ свѣтѣ приютишься
Съ малымъ сиротою?
Кто разспроситъ, приголубитъ
Въ свѣтѣ безъ милѡва?
Мать, отецъ — чужіе люди:
Тяжко это слово!

Вотъ оправилась Катруся, —
Подойдетъ къ окошку,
И все няньчится съ ребенкомъ,
Смотритъ на дорожку.
Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милѡго....
Можетъ, и не будетъ?
Въ садъ поплакать бы сходила,
Да увидятъ люди.
Ночь настанетъ — Катерина
Пѡ саду гуляетъ,
На рукахъ качаетъ сына,
Горе повѣряетъ:
«Здѣсь, бывало, поджидала,
«Въ очи цаловала,

«А вонъ тамъ... сыночекъ милый!...»
И не досказала.

Зацвѣли въ саду черешни,
Зацвѣли и вишни;
Какъ и прежде выходила,
Катерина вышла.
Вышла, только не поѣтся
Бѣдной, какъ бывало,
Какъ въ саду вишневомъ ночью
Друга поджидала.
Не поѣтся чернобровой,
Проклинаетъ долю.
А межъ тѣмъ враги-злодѣи
Тѣшутъ свою волю,
Распускаютъ злыя рѣчи:
Бѣдной не оставлять!...
Если бѣ милый — онъ сѣумѣлъ бы
Ихъ молчать заставить....
Но далеко чернобровый, —
Сердцемъ не почуветь,
Какъ враги надъ ней смѣются,
Какъ она горюетъ.
Можетъ быть, онъ за Дунаемъ,
Подъ сырой землею;
Аль въ Москѣвщинѣ слюбился
Съ дѣвицей иною.
Не убить онъ, воротился
Свѣжій и здоровый....

Гдѣ-жь найдеть такія очи
И такія брови?
Нѣтъ въ Москѡвщинѣ (пройди хоть
Всю ее до моря),
Нѣтъ такой, какъ Катерина;
А живетъ на горе!...
Мать съумѣла дать ей брови
И глаза на диво,
Не съумѣла только сдѣлать
Дѣвицу счастливой.
А краса безъ доли, счастья,
Чтò цвѣточекъ въ полѣ:
Сушить солнце, треплетъ вѣтеръ,
Каждый рветъ по волѣ.
Умывайся же слезами,
Да молися Богу:
Эхъ! москалики вернулись,
Да не той дорогой.

II.

За столомъ сидитъ родимый,
На руки склонился;
На свѣтъ Божій не посмотритъ:
Сердцемъ истомился.
Рядомъ съ нимъ сидитъ старуха
Мать, въ тоскѣ-кручинѣ,
За слезами еле-слышно
Говоритъ дѣвчинѣ:
«Что же свадьба, Катерина?
«Гдѣ же твоя пара?
«Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,
«Старосты, бояра?
«Знать въ Москòвщинѣ!... Иди же
«Къ нимъ, когда посмѣешь,
«Да не сказывай дорогой,
«Что ты мать имѣешь.
«Видно въ день и часъ проклятый
«Я тебя родила!
«Если бъ знала, до восхода-бъ
«Солнца утопила:
«Пусть бы гадина сглодала,
«Не москаль поганый...
«Ахъ, ты дочка моя, дочка!
«Цвѣтикъ мой румяный!

«Точно ягодку, какъ пташку
 «Нѣжила, растила —
 «На бѣду, знать. . . . Такъ-то, дочка,
 «Мнѣ ты отплатила!
 «Ты въ Москѡвщинѣ, Катруся,
 «Поищи свекрухи,
 «Если слушать не хотѣла
 «Матери-старухи.
 «Поищи ее — отыщешь —
 «Крѣпко приласкайся;
 «Будь счастлива межъ чужими,
 «Къ намъ не возвращайся!
 «Никогда не возвращайся
 «Изъ чужаго края! . . .
 «Кто-то мнѣ глаза закроетъ,
 «Безъ тебя, родная?
 «Кто заплачетъ надо мною,
 «Бѣдной сиротиной?
 «Кто посадитъ на могилѣ
 «Красную калину?
 «Кто помянетъ? — кто молиться
 «Будетъ надо мною?
 «Охъ, ты дочка моя, дочка!
 «Дитяtko родное!
 «Ну, иди-жь! . . .»

Благословила:

«Богъ съ тобой, родная!»
 И на лавку повалилась,
 Будто неживая.

И сказалъ отецъ родимый:

— Что жь нейдешь, дѣвчина? —

Зарыдала и упала

Въ ноги Катерина.

«Ты прости меня, родимый,

«Въ чемъ я согрѣшила!

«Ты прости меня, голубчикъ,

«Мой соколикъ милый!»

— Пусть Господь тебѣ прощаетъ,

Да честные люди.

Помолись — и въ путь дорогу;

Легче сердцу будетъ. —

Еле встала, поклонилась,

Вышла со слезами;

А старикъ съ своей старухой

Стали сиротами.

Вышла въ садикъ, помолилась,

Горсть земли набрала,

И на крестъ ее въ мѣшочкѣ

Крѣпко навязала.

«Не вернусь!» проговорила:

«Далеко умру я,

«И чужіе закопаютъ

«Въ землю мнѣ чужую;

«А своя — щепотка эта —

«Надо мною ляжетъ,

«Да про долю, да про горе

«Добрымъ людямъ скажетъ....

«Не рассказывай, голубка,
 «Гдѣ бѣ ни схоронили,
 «Чтобы грѣшной въ этомъ свѣтѣ
 «Люди не бранили.
 «Ты не скажешь... вотъ кто скажетъ,
 «Кто его родная!
 «Боже мой! куда я спрячусь,
 «Убѣгу куда я?
 «Я сама, дитя родное,
 «Спрячусь подъ водою, —
 «Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
 «Въ людяхъ сиротою,
 «Безъ отца!...»

Пошла деревней,
 Плачетъ Катерина;
 Подвязалася платочкомъ
 Да качаетъ сына.
 Вышла въ поле — оглянулась
 (Жаль родимыхъ стало),
 Покачала головою
 Да и зарыдала.
 Стала въ полѣ при дорогѣ,
 Словно тѣ березы;
 Какъ роса передъ зарёю,
 Полилися слёзы.
 Изъ-за слёзъ изъ-за горючихъ
 Бѣла-дня не чувствуетъ,
 Только сына обнимаетъ,
 Плачетъ да цалуетъ.

А ребенокъ, точно ангель,
 Ничего не знаетъ,
 Къ груди крохотной ручонкой
 Тянется, хватаетъ.
 Солнце сѣло за дубровой,
 Зорька догораетъ.
 Утерлась; пошла дорогой. . . .
 Вотъ ужъ чуть мелькаетъ.
 По селу еще сосѣдки
 Долго толковали,
 Да тѣхъ толковъ мать-старуха
 Съ старымъ не слыхали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
 Люди поступаютъ!
 Того вяжутъ, того рѣжутъ,
 Тотъ себя терзаетъ.
 А за что? Господь ихъ знаетъ.
 Свѣтъ, кажись, широкой,
 А въ немъ мѣста не отыщеть
 Странникъ одинокой.
 Одному отмѣрить доля
 Съ краю и до краю,
 А другому лишь оставить
 Тѣ, гдѣ закопаютъ.
 Гдѣ жь тѣ люди, гдѣ жь тѣ братья,
 Съ кѣмъ мы такъ желали
 Жить, кого любить собирались?
 Сгинули! пропали!

Есть на свѣтѣ доля, —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля, —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сіяють,
Кажется, чего бы —
Долюшки не знаютъ, —

Ни доли, ни воли!
Кафтанъ надѣваютъ
Съ кручиной, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Миѣ-же — дайте слезы
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце взыграетъ
Касаткою вольной.

III.

Стонуть совы, спитъ дуброва;
Звѣздочки сіяютъ;
По окраинамъ дороги
Суслики играютъ.
Люди добрые уснули:
Каждого стомило
Или счастье, или слезы, —
Ночка все покрыла.
Всѣхъ покрыла, словно дѣтокъ
Мать, когда уснули. . . .
Гдѣ-жь уснула Катерина:
Въ хатѣ-ли, въ лѣсу-ли?
Аль на полѣ подъ копною
Сына забавляетъ?
Аль въ лѣсу изъ-подъ колоды
Волка выжидаетъ?
Пропадайте, черны брови!
Лучше не родиться,
Чѣмъ за васъ такой бѣдою
Въ жизни поплатиться.
Что же дальше повстрѣчаетъ?
Будетъ горе, будетъ!
Встрѣтятъ — зной, песокъ сыпучій
И чужіе люди;
Встрѣтитъ стужа. . . . Но желанный
Встрѣтитъ ли — не знаетъ, —

Тотъ, что Кàтрю приголубить,
 Сына приласкаетъ?
 Съ нимъ бы дѣвица забыла
 Зной, пески, кручину:
 Онъ, какъ мать, какъ братъ, привѣтомъ
 Встрѣтитъ Катерину....

Все увидимъ, все услышимъ!...
 А пока немного
 Отдохну, да въ Московщину
 Разспрошу дорогу.
 Дальнѣй путь! Дорогу эту
 Знаю, братцы, знаю!
 Даже сердце замираетъ,
 Какъ припоминаю.
 Вымѣрять и я когда-то —
 Чтобъ ее не мѣрять!...
 Разказалъ бы я про горе,
 Только не повѣрятъ!
 Скажутъ: «вретъ онъ!» да и станутъ
 За глаза порочить:
 «Ишь — рассказываетъ сказки
 «Да людей морочить.»
 Правда, братцы, ваша правда!
 Для чего предъ вами
 Стану горе да кручину
 Выливать слезами?
 Знать печали да заботы
 Каждому не диво....

Ну ихъ къ бѣсу!... Лучше дайте
 Трубку да огниво,
 Чтобы, знаете, родные
 Дома не крушились.
 Чтò рассказывать про бѣды! —
 Развѣ, чтобъ приснились!
 Ну ихъ къ бѣсу!... лучше взглянемъ,
 Что-то, той порою,
 Сталось съ нашей Катериной,
 Съ малымъ сиротою.

Возлѣ Кіева, дорогой,
 Идутъ темнымъ боромъ
 Чумаки, родную пѣсню
 Нашѣвая хоромъ.
 Имъ на встрѣчу молодица...
 Видно, съ богомолья.
 Что-жь глаза у ней припухли?
 Али отъ бездоля?
 Свитка ветхая въ заплатахъ;
 Въ лаптяхъ да съ клюкою;
 На рукахъ ея ребенокъ,
 Торба за спиною.
 Повстрѣчалась съ чумаками,
 Мальчика прикрыла:
 «Гдѣ пройти тутъ въ Московщину?»
 Ихъ она спросила.
 — Въ Московщину? прямо, прямо.
 А куда дорога? —

«Подъ Москву иду. Подайте
 «Бѣдной, ради Бога!»
 Дали грошъ ей... задрожала:
 Тяжко брать ей, тяжело!...
 И зачѣмъ бы?... А ребенокъ?
 Жаль его, бѣдняжки!
 Зарыдала, поплелася;
 Въ Броворахъ немного
 Отдохнула, да купила
 Пряникъ на дорогу.
 Долго, долго горемыка
 Шла, да всё пытала...
 А случилось — подъ заборомъ
 Съ сыномъ ночевала.

Видите ль, на что ей очи пригодились:
 Чтобъ изъ нихъ рѣкою слезы лились, лились!
 Слушайте и кайтесь, красныя дѣвицы,
 Чтобъ не довелось плакать и томиться,
 Чтобъ не довелось, какъ моей дѣвчинѣ,
 Вамъ искать милѣго въ дальней Московщинѣ....

Тогда не пытайте, за чтò осуждаютъ,
 За чтò ночевать васъ въ избу не пускаютъ!

Не пытайте, чернобровки, —
 Люди вѣдь не знаютъ....

Тѣхъ, кого Господь караетъ,
 И они караютъ....
 Люди гнутся, точно лозы,
 Вѣтеръ чуть повѣетъ.
 Солнце свѣтитъ сиротинѣ
 (Свѣтитъ, да не грѣетъ) —
 Люди бь солнце заступили,
 Если бь можно было,
 Чтобы сыримъ не свѣтило,
 Слезы не сушило.
 А за что? — за что не знаетъ
 Бѣдная отрады?
 Что имъ сдѣлала Катруся?
 Что имъ, людямъ, надо?
 Чтобы плакала!... Не плачь же,
 Сердце-Катерина!
 Не показывай имъ слёзы,
 Потерпи, дѣвчина!
 А чтобъ личико не блѣкло
 Съ черными бровями, —
 До зари, въ лѣсу дремучемъ,
 Вымойся слезами.
 Какъ умоешься — не взглянуть,
 Да и не осудятъ;
 А пока струятся слезы,
 Сердцу легче будетъ.

.....

«Побреду — ходила больше...
«Может и найду я;
«Передамъ тебя, голубчикъ,
«А сама умру я.»
Воетъ вьюга, стонетъ вьюга,
Пò полю гуляетъ;
Катерина середь поля
Слезы проливаетъ.
Уходилась заверюха, —
Еле повѣвала;
Все бы плакала Катруся,
Только слезъ не стало.
Посмотрѣла на ребенка:
Пòлитый слезою,
Рдѣтъ крошка, какъ цвѣточекъ
Утромъ подь росою.
Усмѣхнулась Катерина,
Горько усмѣхнулась:
Возлѣ сердца лютымъ змѣемъ
Горе шевельнулось.
Осмотрѣлась Катерина,
Видитъ — лѣсъ чернѣетъ,
А подь лѣсомъ, у дороги,
Огонекъ свѣтлѣетъ.
«Ну пойдёмъ же, если пустять
«Въ хату насъ съ тобою;
«А не пустять — заночуемъ
«Въ полѣ подь межою;
«Подь избою заночуемъ,
«Бѣдный мой Иване!

«Гдѣ то будешь ночевать ты,

«Какъ меня не станеть?

«Ты съ собаками дружися, —

«Право лучше будетъ!

«Если злые — покусаять,

«Все же не осудятъ. . . .

«Съ ними ѣсть и пить придется

«Моему Ивану. . . .

«Охъ ты, доля моя, доля!

«Что я дѣлать стану?»

.
.
.
.
.
.

IV.

.....
.....

Воетъ, свищетъ заверюха.

 Пò лѣсу завыло;

Словно море, бѣлымъ снѣгомъ

 Поле заходило.

Изъ избы лѣсничій вышелъ,

 Чтобъ пройти дозоромъ, —

Такъ куда ты! зги не видно:

 Такъ и свищетъ боромъ.

«Эге-гè, какая вьюга!

 «Провались ты съ лѣсомъ!

«Ворочусь.... Что тамъ такое?

 «Словно.... Ишь ихъ къ бѣсамъ!

«Вѣдь несетъ же вражья сила,

 «Будто и за дѣломъ.

«Какъ ихъ снѣгомъ-то.... Никифоръ,

 «Глядь-ка, — точно въ бѣломъ.»

— Москалй! да гдѣ?... да гдѣ же? —

 «Что ты? что съ тобою?»

— Гдѣ москалики, мой лебедь? —

 «Вонъ идутъ межою.»

Не одѣлась — побѣжала
 Лѣсомъ Катерина.
 «Видно крѣпко насолила
 «Бѣдной Московщина!
 «По ночамъ — одно и знаетъ —
 «Москаля все кличетъ.»
 Черезъ пни бѣжить, по снѣгу;
 Еле-еле дышетъ.
 Добѣжала... утираетъ
 Слезы рукавами.
 Ей на встрѣчу выѣзжаютъ
 Москаля рядами.
 «Охъ, ты доля моя, доля!»
 Къ нимъ... глядитъ — узнала:
 Впереди всѣхъ ѣдетъ старшій.
 «Милый!» закричала:
 «Мой Иванъ, мой ненаглядный!
 «Что жъ ты не вернулся?»
 И къ нему... хватаетъ стремя...
 Старшій оглянулся —
 И въ бока коня толкаетъ.
 «Что жъ ты уѣзжаешь?
 «Аль забылъ свою Катрусю?
 «Аль не распознаешь?
 «Погляди: я Катерина,
 «Я твоя, мой милый.
 «Что жъ ты стремя вырываешь
 «У меня постылой?»
 А онъ будто и не видитъ —
 Все коня торошитъ.

- «Посмотри — ужь я не плачу!»
 Катерина вопить:
 «Не узналъ меня, мой милый?»
 «Сердце, приглядиися,
 «Я, ей-богу, Катерина!»
 — Дура, отвяжися!
 Прочь безумную! возьмите! —
 «Боже! отказался! . . .
 «Такъ меня ты покидаешь?
 «А не ты ли клялся? . . .»
 — Да возьмите жь! Что стоите? —
 «Какъ? ты прогоняешь?»
 «Да за что жь, скажи, мой голубь?»
 «На кого оставишь
 Катерину, что о полночь
 «Въ садъ къ тебѣ ходила,
 «Что тебѣ малютку-сына
 «На свѣтъ породила?
 «Братъ родной! отецъ родимый!
 «Ты хоть не чуждайся!
 «Я твоей батрачкой буду. . . .
 «Ты съ другой спознайся,
 «Съ цѣлымъ свѣтомъ. . . я забуду,
 «Что когда-то жили. . . .
 «Отъ тебя имѣла сына,
 «Что меня *покрыли*. . . .
 «Стыдъ-то, стыдъ-то! . . . И за что мнѣ
 «Гибнуть безталанной?
 «Ты покинь меня, но сына
 «Не кидай, желанный!

«Не покинешь? . . . Не бѣги же
«Отъ меня, мой милый! —
«Принесу тебѣ я сына.»
Стремя опустила —
И въ избушку. Воротилась,
Обнимаетъ сына.
Неповитый, неодѣтый,
Плачетъ сиротина.
«Посмотри — вонъ онъ, голубчикъ!
«Гдѣ-жь ты? схоронился?
«Нѣтъ! ушолъ онъ. . . . сына, сына
«Бросилъ — отступилъ!
«Боже мой! . . . куда я дѣнусь,
«Дитятко, съ тобою?
«Ой, москалики! возьмите
«Бѣднаго съ собою;
«Не гнушайтесь имъ — онъ бѣдный
«Круглый сиротина;
«Вы возьмите — и отдайте
«Старшему за сына.
«Не возьмете — такъ покину,
«Какъ отецъ покинулъ, —
«Чтобъ его не покидала
«Горькая судьбина!
«Мать грѣхомъ тебя, болѣзный,
«На свѣтъ породила;
«Выростай же на смѣхъ людямъ!»
На земь положила.
«Поищи отца по свѣту,
«Я уже искала.»

И съ дороги, какъ шальная,
 Въ лѣсъ — и убѣжала.
 Плачетъ мальчикъ. . . . москалѣ же,
 Что имъ! — миновали. . . .
 Что жь, и лучше! да на горе
 Люди услышали.

Катря бѣгаетъ по лѣсу,
 Бѣгаетъ, рыдаетъ —
 То клянеть его, то просить,
 Просить, призываетъ. . .
 Выбѣгаетъ на поляну;
 Глянула, спустилась
 Въ темный яръ — и возлѣ пруда
 Мигомъ очутилась.
 «Упокой Господь мнѣ душу,
 «Вы-жь — примите тѣло,
 «Воды темныя! . . .» и въ прорубь. . . .
 Только зашумѣло
 Подо льдомъ.

Нашла бѣдняжка
 Катря, что искала.
 Дунулъ вѣтеръ по-надъ-прудомъ —
 И слѣда не стало.

То не вѣтеръ, то не буйный,
 Что дубы ломаетъ;

То не горе, что родная
Рано умираетъ;
Та семья не стала сирой,
Что похоронила
Мать свою: у ней остались
Имя и могила.
Насмѣются злые люди —
Сироту осудятъ;
Выльетъ слезы на могилу —
Горе позабудетъ.
А тому, тому на свѣтѣ,
Что́ тому осталось,
Кто отца въ глаза не видѣлъ,
Мать же — отказалась?
Что безродному осталось?
Люди злы и строги!
Ни родни, ни теплой хаты;
Трудъ, пески, дороги....
Бѣло личико, да брови....
Что въ нихъ? Чтобъ узнали!
Точно писанный, а что въ томъ?...
Лучше бъ полиняли!

V.

Шель кобзарь въ престольный Кіевъ,
Шель — и сѣль дорогой.
Съ нимъ вожакъ. Онъ весь обвѣшенъ
Сумками, убогой.
Мальчуганъ на солнцѣ дремлетъ,
Дремлетъ, засыпаетъ;
А кобзарь межъ тѣмъ «Ісуса»
Тихо напѣваетъ.
Подають, кто грошъ, кто бубликъ;
Всякъ идетъ — не минеть:
Кто сѣдому, а дѣвчина
Мальчугану кинеть.
«И босой-то онъ и голый»,
Думаетъ дѣвчина:
«Красоту дала, да счастья
«Не дала судьбина!»

Экипажъ, дорогой въ Кіевъ,
Катитъ шестернёю;
Въ экипажѣ ѣдетъ пани
Съ паномъ и семьёю.

Кѣтитъ — вдругъ остановился;
Взвились клубы пыли.
Побѣжалъ Ивась: въ окошко
Крошку поманили.
Бросивъ денегъ, мальчуганомъ
Пани занялся.
Глянулъ панъ — и отвернулся. . . .
Онъ узналъ Ивася,
Онъ узналъ и черны брови
И сокольи очи. . . .
Онъ узналъ въ малюткѣ сына,
Да признать не хочетъ.
«Какъ зовутъ тебя?» — Ивасемъ. —
«Какъ онъ милъ!» сказала. . . .
Кони тронули — бѣдняжку
Пылью заметало. . . .
Сосчитали, что имъ дали,
Помолились Богу,
Помолились и пустились
Снова въ путь-дорогу.

И. Гербель.

11

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

БАТРАЧКА

ПОВѢСТЬ

1871

1871

БАТРАЧКА.

ПРОЛОГЪ.

Въ воскресенье, раннимъ раномъ,
Поле крылося туманомъ;
Подъ туманомъ, на могилѣ,
Словно тополь наклонили,
Молодица молодая,
Что-то къ груди прижимая,
Говорить:

«Туманъ, туманъ,
«Горемычный мой таланъ!
«Что меня ты здѣсь на полѣ
«Не схоронишь, не задавишь,
«Въ мать-сырѹ-землю не вдавишь?
«Что мнѣ, вмѣстѣ съ злой недолей,
«Вѣку не убавишь?
«Нѣтъ, туманъ мой, не дави,
«А зарой меня на полѣ,

«Чтобъ никто не зналъ, не вѣдалъ
«Злой моей недоли!...
«Не одна я: у меня
«Есть и батька и родня...
«Есть еще, туманъ дружокъ,
«Некрещённый мой сыночекъ...
«Не крестить, на горе злое,
«Мнѣ тебя, дитя родное,
«А чужимъ... Мнѣ не узнать,
«Какъ тебя, дитя, и звать...
«Ахъ! и я была когда-то
«И счастлива и богата!
«Не кляни меня постылой!
«Съ неба самаго, мой милый,
«Долю выплачу слезами
«И пошлю тебѣ съ мольбами!»

И, рыдая, полемъ крѣлась,
Подъ туманомъ укрывалась,
Да сквозь слёзы про вдову
Тихо напѣвала,
Какъ въ Дунай дѣтей вдова
Хоронила-клала:

«Ой на полѣ могила;
По ней вдова ходила,
По ней она гуляла
Да зельца искала;

Только зелья не нашла —
Сыновей двухъ привела,
И въ китайку повилà,
И къ Дунаю отнесла:

«Тихій, тихій Дунай,
«Мнѣ сынковъ забавляй!
«Ты, мой желтый песокъ,
«Будь для нихъ ты легòкъ!
«Накорми, успокой
«И собою укрой!»

I.

Жиль-быль себѣ старикъ съ старушкой.
Они съ издавна надъ прудомъ,
Живуть на хуторѣ вдвоёмъ,
Не разлучаяся другъ съ дружкой.
Дѣтьми овецъ пасли вдвоёмъ,
А послѣ повѣнчались,
И своего добра дождались:
Нажили хуторъ надъ прудомъ;
Въ лѣсу садочекъ развели,
И пчельникъ обрядили, —
Всего нажили;
Да Богъ обидѣлъ ихъ дѣтьми,
А смерть съ косою за плечьми.

Кто жь ихъ старость приголубить?
Вмѣсто дѣтокъ станеть?
Кто заплачетъ, кто облюбитъ?
Душу кто помянетъ?
Кто добро схоронить честно,
Въ холѣ, да въ покоѣ,

Кто сберечь его сѹмѣеть,
Какъ дитя родное?
Тяжко, горько няньчить дѣтокъ
Въ непокрытой хатѣ,
А еще тяжелѣ старость
Въ каменной палатѣ, —
Старость, смерть, тоска-злудѣйка,
Сирость и кручина
И залѣжная копейка
На смѣхъ чужанина.

II.

Старикъ съ старухой, въ воскресенье,
Сидятъ на прѣсышкѣ вдвоемъ,
Въ сорочкахъ бѣленькихъ чистенько. . . .
А солнце въ небѣ голубомъ
Прогнало тучки: тихо-тихо
И ясно, словно-бы въ раю,
И схоронилось въ сердцѣ горе,
Какъ звѣрь въ потѣмномъ борѣ.

Вотъ и рай. . . . О чемъ, кажися,
Старымъ-бы взгрустнулось?
Али къ нимъ бывшее горе
Въ хату наверхулось?
Аль вчерашнее, что только
Придавили, живо?
Аль наклюнулась кручина
Новая на диво?

Не знаю я, какъ и почтѣ
Взгрустнулось старымъ? Можетъ, то,

Что собрались они ужь къ Богу,
 Да кто жь въ далекую дорогу
 Имъ добрыхъ кòней запряжетъ?

«А кто насъ, Настя, похоронить,
 «Когда помремъ?»

— Да Богъ вѣсть — кто.
 Я — вотъ все про то смекала —
 Даже грусть-тоска напала:
 Одиноки постарѣли, —
 А кому добра хотѣли
 И нажили? —

«Дай пелёнокъ. . . .
 «Чу! въ воротахъ плачетъ
 «Ктò-то. . . . Словно-бы ребенокъ?
 «Побѣжимъ-ка! . . . Значить —
 «Угадай я: будетъ что-то!»
 Оба съ мѣста разомъ,
 Къ воротамъ — и отступили:
 Передъ перелазомъ —
 Запелёнанный младенецъ,
 И не туго. . . . новой
 Свиткой крыть, за одѣяло:
 Видно — материно сердце
 Крыло-пеленало,
 Вмѣсто бѣлыхъ рукъ, младенца, —
 Можетъ быть, послѣдней

Свиткой. . . . Старые дивились,
Молча — и молились
О подкидышѣ-ребѣнкѣ,
А дитя ручѣнки
Къ нимъ тянуло, замолкая. . . .

«Видишь, Настя, видишь:
«Зналь я: доля не такая
«Намъ, чтобъ безъ ребѣнка
«Хорониться одинокимъ. . . .
«Отъищи пеленку,
«И неси дитятю въ хату,
«Ну, а тѣми я часами
«Погоню за кумовьями
«Въ Городище.»

Чудно чтò-то
Въ жизни между нами!
Тутъ иной изъ хаты сына
Гонитъ, проклинаятъ,
А иной, сердечный, свѣчку
Потомъ добываетъ
И, рыдаючи, становитъ
Передъ образами,
Чтобъ дѣтей далъ Богъ. . . . Да; чудно
Въ жизни между нами!

III.

Вотъ на радостяхъ три пары
Кумовьёвъ набрали,
За вечерней окрестили
И Маркомъ назвали.
Онъ растетъ; а тутъ не знаютъ,
Какъ и быть съ дитятей:
Гдѣ сажать, гдѣ класть, чѣмъ холить
Маленькаго въ хатѣ?
Минулъ годъ. Растетъ нашъ Марко;
Дойная корова
Отъѣдается. Вдругъ, какъ-то,
Съ виду черноброва,
Молода и бѣлолица,
Входитъ молодица
Къ старикамъ въ укромный хуторъ
По найму проситься.

«Али взять ее къ намъ, Настя?»
— Что жь, Трофимъ, пожалуй:
Мы и стары, и недужны,
А ребенокъ малый....

Хоть дитя и подростаетъ,
 Все-таки, вѣдь, надо,
 Присмотрѣть за нимъ порядкомъ. —

«То-то вотъ, что надо!
 «Старость точно-что не радость,
 «Какъ тамъ ни судите....
 «Что же съ насъ возьмешь, голубка,
 «Въ годъ?»

— А что дадите! —

«Нѣтъ! ты знаешь, деньги любятъ
 «Счетъ; кто не считаетъ
 «Трудовыхъ своихъ копеекъ,
 «Тотъ и обнищаетъ.
 «Такъ послушай-ка, голубка!
 «Мы тебя не знаемъ,
 «Да и ты-то насъ не знаешь....
 «Ну, а скоротаемъ
 «Вмѣстѣ день другой и третій,
 «Молвимъ и про плату.
 «Такъ-ли, дочка?»

— Ладно, батька! —

«Ну, такъ просимъ въ хату!»

Порядились. Молодица
 Веселà и рада,

Словно съ паномъ повѣнчалась,
Аль дождалась клада.
Съ ўтра дò ночи хлопочеть
На дворѣ и въ хатѣ,
Или около скотины;
А ужь для дитяти —
Будто мать она родная —
Не поспитъ и ночку,
Каждый день головку моеть,
Бѣлую сорочку
Каждый Божій день надѣнетъ,
Пѣсней забавляетъ
И игрушками, а въ праздникъ
Съ рукъ вотъ не спускаеть.
Старики мои дивятся —
Богъ имъ далъ подружку....
А безсонная батрачка
Грянется въ подушку, —
Проклинаеть горе-долю
И навзрыдъ рыдаетъ,
И никто того не видитъ,
И никто не знаетъ,
Кромѣ маленькаго Марка,
Да и онъ не знаетъ —
Отчего его слезами
Ночью умываетъ
Безталанная батрачка,
Отчего такъ жарко
И цалуетъ и милуетъ?
Да, не знаетъ Марко,

Что когда онъ въ колыбели
Еле шелохнется
Въ ночь глухую, — на постелѣ
Бѣдная проснется,
Укрываетъ, нѣжно креститъ,
Колыбель колышетъ:
Ей и сонной чутко-слышно,
Какъ ребенокъ дышетъ.
Но за то свои ручѣнки
Тянетъ къ ней онъ съ-рану,
Какъ проснется только — мамой
Величаетъ Ганну....
Такъ растетъ да вырастаетъ
Марко — и не знаетъ....

IV.

Не мало лѣтъ перебѣжало,
Воды не мало утекло;
И въ хуторъ горе завернуло,
И слезъ не мало принесло.
Старушку Настю схоронили,
И еле-еле отходили
Трофима дѣда. Да ушло
Куда-то горе проклятѣе,
И вновь на хуторъ благодать
Изъ лѣсу темнаго вернулась
У дѣда въ хатѣ ночевать.

Вотъ ужъ Марко чумакуеть,
И подъ осень не ночуетъ
Ни подъ хатою, ни въ хатѣ. . . .
Время думать и о сватѣ.
«За кого-жь бы?» дѣдъ смекаетъ,
И батрачку призываетъ
На совѣтъ; а та-бы рада
Хоть царевну сватать: — Надо, —
Говорить, — спросить у Марка,
Кто и гдѣ его таварка? —

«Ладно, спросимъ — и за дѣло,
«Если время подоспѣло.»

Разузнали, допросились.
Марко — къ сватамъ. Воротились
Съ рушниками, съ освящённымъ
Короваемъ обмѣненнымъ;
И просватали же панну,
Хоть гетьману по жупану:
Просто краля дѣвка, либо
Царь-дѣвица....

«Ну, спасибо!»

Молвилъ старый: «только знать бы,
«Скоро ль намъ дожждаться свадьбы,
«Гдѣ къ вѣнцу пойдетъ невѣста,
«Да и въ материно мѣсто
«Звать кого намъ? Эхъ, когда бы
«Свѣтикъ-Настя дожила бы!...»
И залился дѣдъ слезами.
А батрачка за дверями,
Въ косяки вѣпясь руками,
Словно мертвая стояла....
«Мать.... мать.... мать!» она шептала.

V.

Въ ту жь недѣлю молодицы
Коровай мѣсили
У Трофима; а старикъ-то
Изо всей изъ силы
Съ молодицами танцуетъ,
Дворъ свой подметаеть,
Да прохожихъ, да проѣзжихъ
На дворъ закликаеть,
Угощаетъ варенухой
И на свадьбу просить;
Такъ и мечется, хотъ ноги
Еле-еле носятъ.
Смѣхъ и гамъ въ избѣ у дѣда;
Дворъ кипитъ народомъ,
Изъ каморки новой бочки
Выкатили съ мѣдомъ.
Всюду моется, метется,
Жарится, варится —
Все чужими. Гдѣ-жь батрачка?
Въ Кіевъ помолиться
Отпросилась Ганна. Старый
Мало ль съ ней калякалъ,

Ублажалъ ее, а Марко —

Тотъ такъ даже плакалъ

И въ упрѣсъ-просилъ батрачку

Въ материно мѣсто.

«Нѣту, Марко, не годится,

«Не по мнѣ невѣста:

«Изъ семьи она богатой,

«А вѣдь я-то что же?...

«Надъ тобой же посмѣются....

«Помогай вамъ Боже!

«Я пойду молиться въ Кіевъ,

«А потомъ вернуся,

«Если примете, къ вамъ въ хату,

«Да и потружуся,

«Сколько хватитъ силъ....»

Всѣмъ сердцемъ

Поручила Богу

Ганна Марка. Зарыдала —

И пошла въ дорогу.

Принялись играть и свадьбу.

Музыкѣ работа

И подковамъ. Варенухи

Рѣзито безъ счѣта, —

Ею столъ и лавки моютъ.

А бѣдняжка Ганна

Все идетъ себѣ на Кіевъ

Спѣшно, неустанно....

И дошла, да не на отдыхъ;
 У мѣщанки стала;
 Нанялась носить ей воду:
 Денегъ не достало
 Для акаѳиста, а такъ же
 Дѣтямъ для подарку....
 А скопила гривень восемь —
 И купила Марку
 Камилавочку въ пещерѣ
 Старца Іоанна,
 Чтобъ головка не болѣла;
 Вымѣняла Ганна
 И кольцо святой Варвары
 Для невѣстки; Богу,
 Преподобнымъ поклонилась —
 И опять въ дорогу.

Воротилась Катерина
 Съ Маркомъ повстрѣчали
 За ворѣтами — и въ хату,
 И за столъ сажали;
 Напоили, накормили,
 Чтò про Кіевъ знала —
 Разспросили Катерина
 Ей постель постлала.

«Да за что жь меня такъ любятъ,
 «Столько уважають?»

«Охъ, мой Боже милосердый!
«Можетъ, вѣдь, и знаютъ...
«Можетъ, вѣдь, и догадались...
«Нѣтъ!... Я угадала:
«Просто добры!...»

И батрачка

Тяжко зарыдала.

VI.

Трижды мёрзло въ чистомъ полѣ,
Трижды отпускало,
Трижды къ Кіеву батрачку
Катря провожала,
Словно мать свою; въ четвертый
Провела въ дорогу
Вплоть до поля, до кургана,
И молилась Богу,
Чтобъ скорѣй она вернулась:
Безъ нея, любимой,
Сиротливо, темно въ хатѣ,
Точно безъ родимой.

Введенье разломало ужъ леденье;
Прошла и первая недѣля; въ воскресенье
Погрѣться на завалинкѣ Трофимъ
Засѣлъ, въ сорочкѣ бѣлой, какъ и всякой
Честной христіанинъ; а передъ нимъ
Малютка-внучъ игралъ съ собакой;
А внучка въ юбку Катри облеклась,
И будто бы приходитъ въ гости къ дѣду;
И онъ заводитъ съ ней бесѣду,

И говоритъ онъ съ ней, смѣясь,
 Какъ и взаправду съ молодежи:
 «А что же ты не съ паляницей?
 «Ужь не въ лѣсу-ль кому отнять
 «Пришла охота? аль забыла?
 «Аль просто въ печку не садила?
 «Эхъ, стыдно, право стыдно, мать!»
 Анъ — глядь — негаданно, нежданно —
 Калитка скрипъ — и входитъ Ганна.
 Старикъ пошолъ ее встрѣчать;
 А та: «Что, Марко все въ дорогѣ?»

— Да, въ дорогѣ по сей часъ. —

«Вотъ и я чуть доплелась
 «Къ вашей хатѣ: стары ноги.
 «Не хотѣлось одиноко
 «Гибнуть на чужбинѣ.
 «Только бъ Марка мнѣ дождаться. . . .
 «Вся душа въ кручинѣ!»

И гостинцы вынимала,
 Развязавъ мѣшочекъ,
 Внучкамъ: крестики и бусы
 И шерстей моточекъ,
 И въ окладѣ изъ червонной
 Фольги образочекъ,
 А для Карпа — соловейка,
 И лошадокъ пару,

И четвертое колечко
Отъ святой Варвары
Для своей для Катри; дѣду,
На замѣнъ подарку
Принесла она три свѣчки;
А себѣ и Марку —
Ничего: не стало денегъ,
А самой хворалось,
Работать была не въ силахъ.
«Вотъ еще осталось
«Полбаранка!»

И внучатамъ
По куску досталось.

VII.

Входитъ въ хату. Катерина
Ей обмыла ноги,
И за ужинъ посадила —
Закусить съ дороги;
Да не ѣсть, не пьеть бѣдняга.
«Катря!» молвить Ганна:
«Скоро ль будетъ воскресенье?»
— Послѣзавтра, Ганна. —
«Отслужить акаѳистъ надо
«Вешнему Николѣ
«И частицу тоже вынуть:
«Никогда, вѣдь, долѣй,
«Марко нашъ въ дорогѣ не былъ? . . .
«Что, коль онъ недуженъ?»
И слезами залилася.
Ну, какой тутъ ужинъ!
Еле-еле встала съ лавки,
Молвить: «Катерина!
«Охъ, не та теперь я стала:
«Извела кручина;

«Еле-еле носить ноги.

«Тяжко, Катря, тяжело

«Умирать въ чужой, знать, хатѣ!»

И слегла бѣдняжка.

Ужь ее и приобщили,

Переждавши мало,

И соборовали также:

Все не помогало.

Старый дѣдъ — тотъ по подворью,

Что убитый, бродить;

Катерина — та съ болящей

И очей не сводить;

Катерина у болящей

Днюетъ и ночуетъ.

А сычѣ въ ночи на крышѣ —

Словно сердце чуетъ —

Не къ добру кричать. Больная

Каждый часъ, что льдина,

Таетъ, только все лепечетъ

Тихо: «Катерина,

«Что нашъ Марко, не вернулся?»

«Охъ, когда-бъ я знала,

«Что дождуся и увижу,

«Я бы подождала!»

VIII.

Ѣдетъ Марко съ чумаками,
Пѣсни распѣваетъ,
Не спѣшитъ — воловъ дорогою,
На траву пускаетъ.
И везетъ онъ Катеринѣ
Сукнеца цвѣтнаго,
Батькѣ — пышно шитый поясъ
Шолку дорогаго,
А батрачкѣ на очіпокъ,
Съ золотой парчею,
Онъ везетъ платочекъ алый
Съ бѣлою коймою;
А ребятамъ — черевички,
Фигъ да винограду;
А всѣмъ вмѣстѣ — не простаго
А изъ Цареграду —
Онъ везетъ вина въ боченкѣ
Съ три ведра; да съ Дону
Онъ везетъ икры. . . . Не знаетъ,
Подъѣзжая къ дому,
Что творится тамъ. Приѣхалъ —
Ну, и слава Богу!

Отворяетъ онъ ворота,
 Помолился Богу.
 «Аль не слышишь, Катерина?
 «Встрѣтила пошла бы!
 «Онъ пришолъ! скорѣе въ хату
 «Марка привела бы!...
 «Слава Богу, что дождалась! —
 «Долго поджидала!»
 И, сквозь сонъ какъ-будто, тихо
Отче нашъ читала.

Старый сивыхъ выпрягаетъ,
 Упряжь прибираетъ
 Вырѣзную. А Катруся
 Марка озираетъ.
 «Гдѣ же Ганна, Катерина?
 «Мнѣ по ней взгрустнулось!...
 «Ужъ жива-ли?»
 — Да жива-то,
 Только прихворнулось
 Круѣшко ей. Покамѣсть батька
 Сивыхъ выпрягаетъ,
 Сходимъ въ хату поскорѣе:
 Ганна поджидаетъ. —

Входитъ Марко съ Катрей въ хату,
 Сталъ онъ у порогу:
 Испугался. Ганна шепчетъ:
 «Слава... слава Богу!

«Подойди сюда, не бойся. . . .
 «Выйди, Катерина:
 «Разспросить его мнѣ надо,
 «Разсказать кручину.»

Вышла Катря, а нашъ Марко
 Подошелъ поближе,
 Наклонился къ изголовью.
 «Марко! погляди же,
 «Погляди ты на старуху:
 «Видишь — похудѣла?
 «Я — не Ганна, не батрачка,
 «Я. . . .» И онѣмѣла.
 Марко плакалъ и дивился. . . .
 Вновь глаза открылись:
 Долго, пристально глядѣла —
 Слезы покатались.
 «Ты прости меня! Томилась
 «Вѣкъ въ чужой я хатѣ
 «Для тебя, сыночекъ милый,
 «Для тебя, дитяти!
 «Я. . . . я мать твоя!» И смолкла.
 Вся земля вздрогнула
 Подъ подкидышемъ. . . . Онъ къ Ганнѣ —
 А ужъ та заснула. . . .

Л. Мей.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПОЭМЫ

«ГАЙДАМАКИ»

D. P. B. R. H.

L. A. M. A. R. H.

ГАЙДАМАКИ.

ПРОЛОГЪ.

Была шляхётчина когда-то
Вельможной панею: вела
Борьбу съ Москвой, съ ордой, съ султаномъ,
Съ Нѣмецкимъ Орденомъ... Была!...
Да что на свѣтѣ не минуетъ?
Бывало, шляхта, знай, кичится,
И день и ночь себѣ гуляетъ,
Да королями помыкаетъ.
Не говорю я про Стефана,
Про Собіескаго про Яна —
Тѣ двое изъ ряду ужь вонъ,
А про другихъ. Ну, приходилось
Бѣднягамъ молча пановать.
А сеймы, сеймики ревѣли;
Сосѣди молча дивовались,
Какъ короли бѣгутъ изъ Польши,
И какъ ревѣтъ безумно шляхта.

«*Nierozwalat! nierozwalat!*» *)
 Крикнетъ, кто захочетъ, —
 И магнаты палятъ хаты,
 Карабѣли **) точать.
 Долго такъ велось въ Польшѣ,
 Былъ урядъ таковскій —
 Наконецъ засѣлъ въ Варшавѣ
 Смѣлый Понятовскій.

Запановаль и думаль шляхту
 Прибрать къ рукамъ... и не съумѣлъ!
 Хотѣлъ онъ всѣмъ добра, какъ дѣтямъ;
 Чего-нибудь еще хотѣлъ:
 Одно словечко — *nierozwalat*
 Хотѣлъ у шляхты отобрать.
 Затѣмъ... вся Польша запылала,
 Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
 «*Slowo honòru! dàrma praca!* ***)
 Наемникъ гнусный Москаля!»
 На крикъ Пулавскаго и Паца
 Встаютъ шляхѣтская земля,
 И — разомъ сто конфедераций!

Разбрелись конфедераты
 По Литвѣ, Волыни,

*) Не позволяю, не позволяю!

**) Польская сабля съ особенной рукояткой.

***) Честное слово! Падхо дѣло!

По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украинѣ.
Разбрелись, да и забыли,
Что за волю стали —
Повязалися съ жидами
И запиrowали:
Разоряли, убивали,
Церкви жгли-палили,
А тѣмъ часомъ гайдамàки
Ножі освятили.

ГАЛАЙДА.

На свѣтѣ жить тяжело, а хочется жить:
 И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
 И хочется слышать, какъ море играетъ,
 Какъ пташка щебечетъ, дуброва шумитъ
 И какъ чернобровка въ лѣсу распѣваетъ. . . .
 О, Господи Боже, какъ весело жить!

Сирота Ярѣма; жизнь его убога:
 Ни сестры, ни брата — никого-то нѣтъ;
 Прихвостень жидовскій, выросъ у порога, —
 А не прѣклялъ доли, и не прѣклялъ свѣтъ
 И людей. Да, впрочемъ, вѣдь они не знаютъ,
 Нужно ли ласкать имъ, нужно ли казнить?
 Водитъ ими доля. . . . Пусть же ихъ гуляютъ. . . .
 Пусть. . . . Да сиротѣю тяжело въ свѣтѣ жить.
 Часомъ такъ случится: просебя рыдаешь,
 И не оттого, что сердце наболитъ, —
 Просто, что увидишь, или что узнаешь. . . .
 И опять за дѣло. Вотъ — какъ надо жить!
 Что-тутъ батька, мать, высокія палаты,

Если нѣ-съ-кѣмъ сердце — къ сердцу отогрѣть? ...
 Сирота-Ярема — сирота богатый,
 Есть съ кѣмъ и поплакать, есть съ кѣмъ и пошѣть:
 Карія есть очи — чтò звѣзда сіяютъ,
 Бѣлыя есть руки — млѣютъ - обнимаютъ,
 Есть дѣвѣчье сердце — плачетъ и смѣется,
 Какъ Ярема знаетъ, какъ ему сдается.

Вотъ такой-то мой Ярема,
 Сирота богатый.
 Былъ и я такимъ, дѣвѣцѣ,
 Былъ... да вѣдь когда-то!...
 Было-было, да и сплыло,
 Было — миновалось.
 Сердце ноетъ, какъ припомню...
 Чтò-же не осталось?

Чтò-же не осталось? Что не погодило?
 Легче бы слезами обливаться было.
 Отобрали люди: видно, всё имъ мало.
 «Что ему за доля?.... Закопаемъ, стало:
 Онъ и такъ богатый....»

Развѣ на заплата
 Да на слѣзы... Дай Богъ ихъ не отирать!
 Доля, горе-доля! гдѣ тебя искать?
 Воротися, доля, до моей до хаты,
 Али хоть приснися... да нельзя и спать!

II.

ТРЕТЬИ ПѢТУХИ.

Ещё день бѣдную Украину
Терзали Ляхи, и одинъ,
Ещё одинъ хранили тайну
Украина вся и Чигиринъ.
Прошелъ и онъ — день Маковея,
Великій праздникъ. Онъ прошелъ —
И Ляхъ съ жидами, не жалѣя,
Горѣлку кровію развелъ.
Клялі Украину, распинали,
Затѣмъ, что нѣчего ужъ взять.
А гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Они легли — и не гадали,
Что завтра имъ ужъ не вставать.
Заснули Ляхи, а Іуду
Вѣдь не уложишь: онъ гроші
Въ потьмахъ считаетъ — барыши
Не были-бъ видны дѣбру люду.
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали.

Дремлють.... дай-Богъ, еслибъ на-вѣкъ задремали!
 А тѣмъ часомъ мѣсяць выплылъ посіять,
 Поглядѣть на небо, на землю, на море,
 Выслушать, что будутъ люди лепетать
 И потомъ поутру Богу рассказать.
 Свѣтитъ бѣлолицый, — всю онъ Украину
 Видитъ... а глядитъ-ли онъ на сиротину,
 На Оксану нашу? Гдѣ она горюетъ?
 Гдѣ голубка наша и о чемъ воркуетъ?

Знаетъ-ли Ярема, знаетъ-ли и чуетъ?
 Мы увидимъ послѣ, а теперь играть
 Миѣ пришлось пѣсню словно-бы иную:
 Будутъ не дѣвицы подъ неѣ плясать,
 А попляшетъ горе. Пѣсню распѣвать
 Пусть придется внукамъ, только нашимъ внукамъ,
 Надо тоже внукамъ пѣсню завѣщать,
 Какъ Украина встала, на смѣхъ лютымъ мукамъ,
 Какъ умѣли Ляховъ прадѣды карать.

Долго, долго по Украинѣ
 Та гроза гремѣла;
 Долго, долго кровь стеними
 Лілась и алѣла.
 Лілась, лілась — и подсохла.
 Степени зеленѣютъ;
 Дѣды спать легли, — курганы
 Въ головахъ синѣютъ.

Ну, да что же, что выскочки?
 Ихъ никто не знаетъ,
 И надъ ними не заплачетъ,
 И не разгадаетъ.
 Только вѣтеръ тихо, тихо
 Пролетитъ надъ ними,
 Да роса поутру рано
 Слѣзками частыми
 Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце
 Высушитъ, пригрѣетъ. . . .
 А внучата? Нѣтъ имъ дѣла —
 Въ полѣ жито сѣютъ!
 Много ихъ, а кто укажетъ
 Гдѣ лежитъ въ могилѣ
 Гонта, мученикъ за правду?
 Гдѣ похоронили?
 Желѣзникъ, душа прямая,
 Гдѣ опочиваетъ?
 Тяжко! больно! Все погибло —
 Ихъ не вспоминаютъ.

Долго, долго по Украинѣ
 Та гроза гремѣла;
 Долго, долго кровь степями
 Лилась и алѣла.
 День и ночь подъ тѣмъ погромомъ
 Стонетъ степь и гнѣтся;
 Грустно, страшно, а вспомнешь —
 Сердце усмѣхнется.

Мѣсяцъ ты мой ясный! съ неба на ночь эту
 Ты спустился за гору: намъ не надо свѣту;
 Страшно будетъ, мѣсяцъ! хотъ ты видѣлъ Рось,
 Видѣлъ Альту, Сѣну, какъ тамъ разлилось
 Алой крови море въ проклятую пору.
 А теперъ что будетъ! Спрячься же за гору,
 Спрячься, мой дружочекъ, чтобъ не довелось
 Намъ подъ старость плакать. . . .

Тускло, тускло въ поднебесьѣ
 Свѣтитъ бѣлолицый.
 Вдоль Днѣпра казакъ плетется,
 Можетъ, съ вечерницы.
 Онъ плетется смутный, грустный,
 Чуть волочить ноги.
 Можетъ, дѣвица не любитъ,
 Потому — убогий?
 Нѣтъ, его дѣвица любитъ:
 Пусть онъ весь въ заплатахъ,
 Да за-то онъ чернобровый —
 Будетъ изъ богатыхъ.
 Отчего жъ ему взгрустнулось,
 Отчего тоскуетъ
 И едва не плачетъ? Вѣрно,
 Сердце горе чуетъ.
 Чуетъ сердце: злое горе
 Завернуло въ гости,
 Да узнай его! . . . Всѣ люди
 Словно на погостѣ.

Дремлетъ пѣвень на заборѣ,
 Дремлетъ пѣсь — не лаеъ,
 Только гдѣ-то издалёка
 Волки завывають.
 Пусть ихъ снятъ. . . . Идѣтъ Ярема,
 Только не къ Оксанѣ,
 Не къ Оксанѣ чернобровой,
 Чтò жила въ Вильшанѣ, —
 А въ Черкасы къ Ляхамъ. Третій
 Пѣвень запѣваетъ. . . .
 Ну, а тамъ. . . . Идѣтъ Ярема,
 Рѣку озираетъ.

«Ой Днѣпръ, ты мой Днѣпръ, мой широкой, глубокой!
 Довольно ты крови казачьей носилъ
 Въ далёкое море, дорòгой далёкой,
 Да сѣнее море ты всё не сполъ;
 Сегодня ушьешься. Сегодня отъ Бога
 Украйну ждѣтъ праздникъ, съ полуночи ждѣтъ,
 Да праздникъ-то страшный. . . . И много и много
 Прольѣтъ она крови. Казакъ оживѣтъ
 И встанутъ гетьмàни, въ парчѣвомъ жупанѣ,
 И будетъ, какъ прежде, Украйна живà,
 И снова казакъ запоётъ не-по-тайну:
 «Нѣтъ Ляховъ съ жидами!» И снова Украйну
 Освѣтитъ, какъ въ старые дни, булава. . . .»

Такъ думалъ, плетая въ дырявой рубахѣ,
 Сердечный Ярема съ священнымъ въ рукахъ.

А Днѣпръ словно слышалъ: на всѣмъ на размахѣ
Горой пѣбитъ волны; въ густыхъ тростникахъ
Рѣвма стонетъ, завываетъ,
Лѣзы нагибаетъ,
Громъ гремитъ и молоньёю
Тучу раздираетъ....

.....
.....

III.

ПИРЬ ВЪ ЛИСЯНКЪ.

Вечерѣло. Надъ Лисянкой
Искры закружили:
Это Гонга съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить! Болотный Тѣкичъ
Кровию алѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И избушка и палаты;
Видно, Богъ караетъ
И большого, и меньшого.
Середѣ базара
Желѣзнякъ и Гонга только
Крикнутъ: «Ляхамъ кара!
Кара Ляхамъ!» — даже дѣти
На ножѣ лѣзтъ рады.
Плачутъ, стонутъ Ляхи, просятъ —
Нѣту имъ пощады!...

Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
 Кто надъ трупомъ брата —
 Исповѣдуются Ляхи:
 Времени потрага.
 Нѣтъ, не милуютъ *миѣ*
 Ни годѡвъ, ни роду,
 Ни полячки, ни жидовки.
 Кровь сочится въ воду.
 Старца-старого, калѣки,
 Малаго ребѣнка
 Не осталось; всѣхъ повѣла
Красная пелѣнка.
 Всѣ легло на зѣмлю лоскомъ,
 Всѣ, что живо было,
 Между шляхтой и жидами....
 А межъ тѣмъ все пѣло
 Выше къ тучамъ и пылало
 Зарево пожара....
 Галайда — тотъ знай рыкаетъ:
 «Кара Ляхамъ, кара!»
 Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
 Жжѣтъ, что ни попало.
 «Дайте Ляха, аль Іуду!
 Всѣ мнѣ мало, мало!
 Дайте Ляха, дайте крови
 Наточить съ поганныхъ!
 Море-крови.... мало мѡря....
 Охъ, моя Оксана!
 Гдѣ ты?» Крикнетъ и потонетъ
 Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ставятъ вдоль базара
 Столъ да столъ; несутъ припасы,
 Что добыть успѣли,
 Чтобъ отъужинать засвѣтло.
 «Тѣшья!» заревѣли.
 Сѣли ужинать; кругомъ ихъ
 Адъ горитъ и рдѣеть.
 На рожнахъ то тамъ, то индѣ
 Панскій трупъ чернѣеть.
 Вотъ рожны и загорѣлись —
 Трупы вмѣстѣ съ ними
 На земь рухнулися. «Пейте,
 Дѣти, съ проклятыми!
 Можетъ быть, еще прійдется
 Повстрѣчаться съ ними.
 Пью за трупы, пью за души
 Ваши!» восклицаетъ
 Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки
 Разомъ осушаетъ.
 «Пейте дѣти! пейте, лейте!
 Вышьемъ, Гонга, что-ли?
 Вышьемъ, братъ ты мой названнй!
 Погуляемъ въ волю!
 Гдѣ же Вдлохъ? пусть сыграетъ —
 Мы его уважимъ:
 Чтò не скажетъ онъ про Ляховъ,
 Мы ему доскажемъ.
 Не про горе, потому что
 Горя не уважимъ —

Веселую дёрни, старче,
 Чтобъ земля ломилась,
 Какъ вдовица-молодица
 Попусту томилась!

Кобзарь (*играетъ, припѣвая*):

«Отъ села и до села
 Музыка и пляска:
 За насѣдку черевички —
 Будетъ же имъ таска!
 Отъ села и до села
 Я бы расплясалась:
 Ни коровы, ни вола —
 Хата мнѣ осталась!
 Да и ту продамъ кумѣ
 Я со все́мъ приборомъ
 И куплю себѣ шалашъ
 Прямо подъ заборомъ;
 Торговать и шинковать
 Буду я крючками,
 И тогда-то ужъ гулять
 Буду съ молодцами.
 Охъ, вы дѣточки мои,
 Охъ, вы голубѣтка!
 Не стыдитесь, подивитесь,
 Какъ танцуетъ матка!
 Я въ наёмъ пойду; дѣтей
 Въ школу. . . да и въ пляску —

И червоннымъ черевичкамъ
Я задамъ же таску!»

.....
.....

Всё танцуетъ, всё пируетъ....

Галайдà - бѣдняжка

На концѣ стола горюетъ,

Плачетъ горько, тяжко,

Какъ ребѣнокъ. Отчего же?

Въ аломъ онъ жупанѣ;

Есть и золото, и слава —

Не замѣнь Оксанѣ!

Нѣ съ кѣмъ долей подѣлиться....

Грустно.... Не поѣтся....

Одинокимъ сиротою

Пропадать придется

За Оксану.

.....
.....

..... Галайдà

Съ Гонтою танцуетъ.

Желѣзнякъ хватаетъ кобзу,

Съ кобзаремъ толкуетъ:

«Попляши, а я сыграю,
 Старина, какъ знаю.»
 И пошёлъ слѣпой въ присядку
 По всему базару,
 Отдираетъ постолàми,
 Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ;
 Аль тебѣ я не казакъ, не казакъ?
 Аль тебя я не люблю, не люблю?
 Аль тебѣ я черевиковъ не куплю?
 Я куплю тебѣ обновку,
 Распотѣшу чернобровку!
 Буду, сердце, ходить,
 Буду, сердце, любить!»

«Ой гопъ-гопакà!
 Полюбила казака,
 Только старый, да недюжий,
 Только рыжий, неуклюжий —
 Вотъ и доля вся пока!
 Доля слѣдомъ за тоскою,
 А ты, старый, за водою,
 А сама-то я въ шинокъ,
 Да хвачу себѣ крючокъ,
 А потомъ — все чокъ да чокъ:
 Чарка первая колѣмъ,
 А вторая соколѣмъ»

Баба въ плясъ пошла — конецъ,
 А за нею молодець....
 Старый - рыжий бабу кличетъ
 Только баба кукишь тычетъ:
 «Коль женился, сатана,
 «Добывай же мнѣ пшена;
 «Надо дѣтокъ пожалѣть —
 «Накормить и пріодѣть.
 «Добывай, не то — быть худу,
 «А ужь я сама добуду....
 «А ты, старый, не грѣши —
 «Колыбельки колыши,
 «Да молчи и не грѣши.»

«Какъ была я молодою, да угодницею,
 Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
 Кто бъ ни шёлъ — не минѣтъ,
 И кивнѣтъ, и моргнѣтъ.
 Я въ окошечко киваю,
 Шёлкомъ въ пяльцахъ вышиваю....
 Охъ, Семёны — вы — Иваны,
 Надѣвайте-ка жупаны,
 Да со мной гузять пойдѣмте,
 Да присядемъ — запоёмте....»

IV.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, минуло лѣто,
А степь горитъ, да и горитъ;
По сѣламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Бѣгъ вѣсть! Шелеститъ
Поблѣклой листвою дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ —
И не слышать людскаго слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ: не хоронили,
Волкѡвъ Поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Да бѣлы-снѣгѣи и вьюга —
Только въ помочь карѣ:
Ляхи мёрзли, а казѣки
Грѣлись на пожарѣ.
И весна пришла и ряской
Воду принакрыла,
Поднесла землѣ барвинокъ,
Да и разбудила —

Пусть сыра - земля проснётся.
 Жаворонокъ въ полѣ,
 Соловей въ кустахъ, — и льётся
 Пѣсня ихъ о волѣ....
 Сущій рай! А для кого же?
 Для людей? Не будетъ
 Человѣкъ глядѣть, а взглянетъ —
 Божій рай осудитъ.
 Надо кровію подкрасить,
 Освѣтитъ пожаромъ;
 Солнца мало, рѣсокъ мало;
 Тучи ходятъ даромъ;
 Аду мало!... Люди, люди!
 Да когда жъ довольно
 Будетъ вамъ добра Господня?
 И чудно, и больно!

И весна не смыла крови:
 Злоба братьевъ вдвое —
 Не глядѣлъ бы; а припомнишь —
 Было такъ и въ Троѣ;
 Будетъ вѣчно.

Гайдамаки

Рѣжутъ да гуляютъ;
 Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
 Кровью намокаетъ.
 Подобралъ Максимъ сыночка —
 Вспомнить Украина!

Хоть не сынъ родной Ярема,
 А не хуже сына.
 Батъка рѣжетъ, а Ярема
 Рѣжетъ — и люгуетъ —
 Со священнымъ на пожарахъ
 Днюетъ и ночуетъ.
 Не помилуетъ, не минетъ
 Ляха проклятого:
 Онъ за ктѣтора имъ платитъ,
 За отца святаго,
 За Оксану... И шатнѣтся,
 Вспомнивъ про Оксану.
 А Максимъ: «Гуляй, сыночекъ!
 Если не устану,
 Погуляемъ!»

Погуляли:

Купа подлѣ купы,
 Вплоть отъ Кіева на Умань
 Протянулись трупы.

Словно туча, гайдамаки
 Умань обложили,
 О полуночи; съ зарёю
 Умань запалили;
 Запалили, закричали:
 «Кара Ляхамъ! Крови!»
 Покатились по базару
 Конны *narodowi*,

Панны, малыя ребята,
 Хворые калѣки.
 Снова громъ — и на базарѣ
 Рѣки крови, рѣки!
 Въ бродъ ихъ Гонта переходитъ
 Съ удалымъ Максимомъ
 И кричатъ вдвоёмъ: «Вотъ такъ-то,
 Такъ имъ, нечестивымъ!»

Вотъ — волочатъ гайдамаки
 Ксёндза-іезуита
 И двухъ мальчиковъ. «Эй, Гонта!
 «Вотъ твой сынки-то! . . .
 «Вѣдь католики: самъ знаешь —
 «Дѣти католички.
 «Ты насъ рѣжешь — ихъ бы кстати,
 «Благо невелички!
 «Отчего жь ты ихъ не рѣжешь?
 «Подростутъ, такъ сами
 «На тебя поднимутъ руки
 «Съ нашими ножами.»
 — Пса убейте, а щенятъ-то
 Я — своей рукою. . . .
 Кличь громаду! Признавайтесь,
 Дѣти, предо мною, —
 Вы — католики? —

«Да, тятя!»

«Мать насъ окрестила. . . .»

— Замолчите!... Знаю! знаю!
 Боже Ты мой милый! —
 Собрались гайдамаки.
 — Нѣту имъ пощады!...
 Чтобы нѣ было измѣны,
Господа громада,
 Присягалъ я, взявъ *священныи*...
 Дѣти католички...
 Охъ — вы, дѣти, вы, сыночки,
 Чтò вы не велички?
 Чтò не рѣжете вы Ляховъ? —
 «Будемъ рѣзать, тятя!»
 — Нѣтъ, не будете вы рѣзать!...
 Пусть мои проклятья
 Поразятъ ту католичку,
 Чтò васъ породила!
 Отчего она съ зарёю
 Васъ не утопила?
 Вы бы умерли безгрѣшно,
 Не еретикàми;
 А сегодня... не на радость
 Встрѣтился я съ вами!
 Васъ присяга убиваетъ
 А не батька, дѣти. —
 Ножъ поднялся — и малютокъ
 — Не было на свѣтѣ.
 И невинные малютки,
 Падая, шептали:
 «Тятя, тятя, мы не Ляхи,
 «Мы...» — и замолчали.

«Хоронить ихъ?» — Нѣтъ, не надо:

— Дѣти католички. . . .

Сыновья мои! чего вы

Были не велички? —

.

.

Всѣ гуляютъ. Гдѣ же Гонта?

Что онъ не гуляетъ?

Что не пьетъ онъ съ казаками?

Что не распѣваетъ?

Нѣтъ его; теперь бѣднягѣ

Гонтѣ не до пѣсенъ. . . .

Кто тамъ бродитъ въ черной свиткѣ

Посреди базара?

Кто тамъ сталъ надъ грудой труповъ,

Въ заревѣ пожара?

Долго ищетъ онъ кого-то,

Проклятую кѹпу

Мертвыхъ Ляховъ разгребаеть. . . .

Отыскаль. . . . Два трупа —

Двухъ подростковъ взялъ на плѣчи,

И позадь базара

Черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ,

Середѣ пожара,

За костёломъ. Кто же это?
 Гонта, горемъ битый:
 Хоронить дѣтей несетъ онъ,
 Чтобъ землею крыты
 Были, чтобъ казачья тѣла
 Стая псовъ не ѣла.
 И по улицамъ, по темнымъ,
 Гдѣ не такъ горѣло,
 Гонта несъ дѣтей на плечахъ,
 И отъ люду крлся,
 Не видали бы, какъ старый
 Гонта прослезился,
 Хороня дѣтей. Онъ вынесъ
 Дѣтокъ въ поле прямо,
 Прочь съ дороги, и *священный* —
 Въ землю: будетъ яма!...
 Онъ копаетъ и копаетъ...
 Умань всё пылаетъ,
 Свѣтитъ Гонгѣ на работу...
 Отчего же въ свѣтѣ,
 Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
 Гонгѣ страшны дѣти?
 Отчего-жь онъ, словно крадетъ,
 Или кладъ хоронить,
 Даже струсить, если вѣтеръ
 До него догонитъ
 Крикъ и пѣсни гайдамаковъ?...
 Онъ дѣтей хоронитъ,
 Онъ глубокую имъ хату
 Роетъ; въ тёмной хатѣ,

Не глядѣ, кладѣтъ — знатъ слышитъ:

«Мы не Ляхи, тятя!»

Уложилъ; досталъ китайку

Изъ кисы; лобзаетъ

Мёртвыхъ въ очи, и китайкой

Алой накрываетъ,

Крестить.

— Дѣти! поглядите

Вы на Украину:

За неё вы сгибли, дѣти,

За неё я сгину!

Да меня-то кто схоронитъ

На чужомъ на полѣ,

Какъ я васъ, и кто заплачетъ

По моей по долѣ?

Спите, дѣти, почивайте!

Вамъ постель — могила!

Сѹка - мать другой постели

Вамъ не обрядила.

Безъ вѣнчочковъ — василѣчковъ,

Безъ калины, дѣти,

Спите здѣсь, моля у Бога,

Чтобъ на этомъ свѣтѣ

Покаралъ меня жестоко

За грѣхи за эти...

Что катòлики вы были, —

Вамъ прощаю, дѣти! —

И заравниваетъ землю,

Чтобъ враги не знали,

Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
 Гдѣ ихъ погребали.
 — Спите, дѣти! батьку ждите:
 Скоро будетъ!... что же?
 Скороталъ вашъ вѣкъ я, только
 И меня ждѣтъ то же,
 И меня убьютъ... Схоронятъ...
 Кто?... И самъ не знаю...
 Гайдамаки!... Охъ, ещё разъ
 Съ ними погуляю!... —

И пошѣлъ убитый Гонта;
 Шагъ — и спотыкнѣтся.
 Свѣтитъ зарево — онъ глянетъ,
 Глянетъ — усмѣхнѣтся.
 Страшно, страшно усмѣхался;
 На степь оглянулся,
 Слѣзы вытеръ, и въ пожарномъ
 Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

.....
.....

Погуляли гайдамаки,
 Лихо погуляли:
Чуть не годъ шляхетской кровью
 Вдоволь наводняли
Украину, и замолкли —
 Ножъ свой иззубрили.
Нѣту Гонты; крестъ не блещетъ
 На его могилѣ.
Буйны вѣтры разметали
 Пепель гайдамака.
Больше нѣкому молиться
 Слѣзно: нѣтъ и знака,
Гдѣ тотъ пепель?... Въ цѣломъ свѣтѣ
 Только братъ названный,
Только онъ одинъ заплакалъ:
 Зналъ, какъ окаянный
Ляхъ замучилъ Гонту-брата
 Муками такими,

Что и онъ заплакалъ, съ рѣду
 Въ первый разъ. . . . Богъ съ ними,
 Со слезами! Ихъ не вытеръ
 Желѣзнякъ. . . . а вскорѣ
 Самъ зарылъ онъ въ чуждомъ полѣ
 И тоску, и горе.
 И простились гайдамаки
 Съ той *железной* силой,
 Что они прикрыли слѣзно
 Насыпной могилой. . . .
 А простились — и пропали,
 Словно не бывали. . . .

И однимъ-одинъ Ярема;
 Онъ одинъ, мой жалкой,
 Отъ могилы не отходить:
 Подпершійся палкой,
 Долго онъ стоитъ. «Спи, батька,
 На чужомъ на полѣ —
 На своемъ ужъ нѣту мѣста,
 Нѣту мѣста воли.
 Спи, казакъ, коль спать охота!
 Припомянетъ кто-то? . . .»

И пошѣлъ онъ степью; слѣзы
 Сердце отирало.
 Онъ оглядывался долго —
 И его не стало. . . .

И въ степи одна могила
Съ вѣтромъ говорила.

Такъ въ Украинѣ гайдамаки
Засѣвали жито,
Только жать-то не пришлось:
Градомъ, знать, побито....
Правда сгинула въ подросткахъ;
Кривда повивала....
Разошлись гайдамаки,
Кто куда попало;
Разошлись гайдамаки
По своимъ жилищамъ,
Кто домой, а кто въ дуброву —
Ножъ за голенищемъ —
Доконать жидовъ проклятыхъ,
Доконать безбожье....
А тѣмъ временемъ сломили
Наше Запорожье:
Кто къ Кубани, кто къ Дунаю;
Только и остались
Что пороги середь степи.
Рѣвма-разрыдались:
«Схоронили нашихъ дѣтокъ,
И до насъ добрались!»
Рѣвма-воюють — пусть ихъ воють:
Ихъ пора минула....

.....
.....

Съ той поры по всей Украинѣ
Жито зеленѣетъ;
Нѣтъ ни слёзъ, ни грозъ, ни грома. . . .

.
.
.

Всё замолкло

.

Л. Мей.

MEMORANDUM FOR THE RECORD

On the 1st day of January 1900, the following...

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

REVUE GÉNÉRALE

ДУША.

Проходятъ дни... проходятъ ночи...
Прошло и лѣто; шелеститъ
Листъ пожелтѣлый... гаснутъ очи,
Заснули думы, сердце спитъ.
Заснуло все, — не знаю я
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою,
Знать, не дано мнѣ никакой...
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не вымолю хоть злой?
Не дай, о Боже! какъ во снѣ
Блуждать... остынуть сердцемъ мнѣ...
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!

Пожить мнѣ дай.... Творецъ небесный —
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить!
Чтобъ я хвалилъ твой мѣръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя — тяжело въ ней, ...
На волѣ жить — и спать, страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда —
И смерть и жизнь — одно тогда.

А. Плещеевъ.

Д О Л Я.

Ты не лукавила со мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Бѣднягѣ стала. Ты взяла
Меня за крохотную руку
И въ школу мальчика свела
Къ дьячку разгульному въ науку.
«Учись! Современемъ, дитя,
Людьми мы будемъ», ты сказала.
И я учился — вѣрилъ я—
И научился. . . . Ты жь солгала:
Что мы за люди? . . . Нужды нѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли, и за собою
У насъ зерна неправды нѣтъ.

И. Гербель.

ЖНИЦА.

Она на барскомъ полѣ жала —
И тихо побрела къ снопамъ;
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала —
Кормила, нянчила, ласкала —
И незамѣтно впала въ сонъ.

И снится ей: житьемъ довольный
Ея Иванъ, пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ, —
И потому, что самъ ужъ вольный. . . .

Они съ лицомъ велелымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу;
А дѣтки имъ обѣдь несутъ;
И тихо улыбулась жница. . . .

Но тутъ проснулась... Грустно ей!
И спеленавъ малютку, быстро
За серпъ взялась: дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

А. Плещевъ.

КАВУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой идя въ полуночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомяни меня ты:
А когда придетъ невзгода —
Просидить до свѣта,
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси совѣта;
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далекò надъ моремъ,
Какъ онъ мается въ неволѣ,
Какъ онъ бьется съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души тревогу
Схоронивъ, въ пустынѣ бродить,
Молится все Богу,
Объ Украинѣ вспоминаетъ,
О тебѣ, сердечный,
И груститъ порой... не сильно
И безъ слезъ, конечно,

А такъ только... на дворѣ вѣдь
Праздникъ наступаетъ. . . .
Тяжело тому, кто праздникъ
Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
Благовѣсть раздастся
По Украинѣ; завтра рано
Станутъ собираться
Люди въ церковь; завтра рано
Зареветъ голодный
Звѣрь въ пустынѣ, да подуетъ
Ураганъ холодный
И завѣетъ бѣлымъ снѣгомъ
Мой курень печальной. . . .
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
На чужбинѣ дальней!

И. Гербель.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Рано утромъ новобранцы
Выходили изъ села,
А за ними, молодыми,
Красна дѣвица брела.
Мать-старуха не пускала —
Дочку съ милымъ разлучала....
Разлучила — и корила
До тѣхъ поръ, пока землѣй
Дочь засыпала, зарыла,
А сама пошла съ сумой.

Все попрежнему въ деревнѣ —
Не перемѣнилось,
Только крайняя избушка
На бокъ наклонилась.
Вкругъ избы служивый бродить,
Чуть переступаетъ:
Онъ заглядываетъ въ окна,
Садикъ озираетъ.
Но не выглянетъ красотка
Изъ пустой избушки;

Не услышитъ онъ привѣта
Матери-старушки.
А когда-то былъ онъ званый,
Ручники ужь ткáлись,
И платки цвѣтнымъ узоромъ
Шолкомъ вышивались.
Думалъ вѣкъ прожить счастливо,
Съ милой веселиться,
А пришлось, мой голубъ сизый,
Плакать и томиться!

У избы сидитъ служивый;
На дворѣ стемнѣло;
А въ окно сова ночная
Пристально глядѣла.

И. Гербель.

КАЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Для чего бы мнѣ жениться?
Для чего вѣнчаться?
Стануть всюду надо мною
Казаци смѣяться.
«Ишь — женился» скажутъ люди —
«Гольй да голодный:
«Только волю молодую
«Загубилъ, безродный!»

Ваша правда. Что жь мнѣ дѣлать?
Къ вамъ я за совѣтомъ.
Аль въ наймы закабалиться?
Да что толку въ этомъ?
Не заѣмъ, не загоняю
Я чужую долю;
Не сгублю между чужими
Молодую волю.
Лучше буду красоваться
Въ голубомъ жупанѣ

На конѣ лихомъ носиться
Передъ казаками.
Принцу себѣ невѣсту
Въ полѣ при долині —
Одинокую могилу
Въ нашей Украинѣ.
Къ молодому сослуживцы
Прйдутъ на пирушку,
Принесутъ съ собой мушкеты,
Выкатятъ и пушку.
Какъ меня на новоселье
Понесутъ родные,
Загрохочутъ самопалы,
Ружья боевыя.
Какъ положить атамана
Въ новую избушку,
Словно мать, завопитъ громко
Заревая пушка.
Долго будетъ раздаваться
Голосъ величавый,
И тотъ голосъ по Украинѣ
Разнесется славой.

И. Гербель.

Мы всё живемъ и всё не знаемъ
Зачѣмъ судьба намъ жизнь дала?
Добра ли ждать намъ или зла?
Къ чему идемъ, чего желаемъ?
За что въ незнаньи умираемъ
Безъ силъ на свѣтлыя дѣла!

Суди жь, моей виновникъ доли,
Меня за всё дѣла мои!
Ахъ! лучше бь дѣти не росли,
Которыя, родясь въ неволѣ,
Позоръ себѣ же принесли!

И. Курочкинъ.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село;
Что же я по немъ тоскую,
Что же мнѣ такъ жаль его?
За кафтанъ короткій, что ли,
Иль за чорный усъ такъ жаль,
Иль за то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль;
Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя;
Не хотятъ меня ужь люди
Брать и замужъ за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ,
Не даютъ онѣ прохода —
Все гусарихой зовутъ.

А. Плещеевъ.

П Ъ С Н Я .

Проторила я тропинку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, мой сердечный,
На базаръ.

Парнямъ бублики носила,
Вечеркомъ
Продала, и воротилась
Съ пятакомъ.

Я два грѣша, ахъ, два грѣша
Прошла!
На копейку музыканта
Наняла.

Ты съиграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей. . . .
Чтобъ забыла я кручину,
Горе съ ней. . . .

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвка я.
Сватай — выйду я пожалуй
За тебя!

А. Плещеевъ.

В Е Ч Е Р Ъ .

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ;
И распѣваючи дѣвчаты
Домой на вечерю спѣшатъ.

Семья ихъ ждетъ, и все готово;
Звѣзда вечерняя встаетъ,
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово
Да соловейко не даетъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ. . . .
Затихло все: однѣ дѣвчаты,
Да соловейко не затихъ.

Л. Мей.

СПИСОКЪ

ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ШЕВЧЕНКА

И ИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

СЕРГЕЙ

ИРИНА

ИРИНА

I.

СПИСОКЪ

ПЕЧАТНЫЖЪ СОЧИНЕНІЙ ШЕВЧЕНКА.

1840.

КОБЗАРЬ. *Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи Е. Фишера. 1840.* (Въ 12-ю д. л.) Содержаніе: 1) *Думи мої, думи мої!* 2) *Перебѣндя*, 3) *Катерина*, 4) *Тополя*, 5) *Думка* (На що мині чорні брови?) 6) *До Основьяненка*, 7) *Иванъ Підкова* и 8) *Тарасова нічъ*. Почти каждое стихотвореніе посвящено кому-нибудь, именно: 2 — Е. П. Гребенкѣ, 3 — В. А. Жуковскому, на память 22-го апрѣля 1838 года, 4 — П. С. Петровской, 7 — В. И. Штернбергу и 8 — П. И. Мартосу. Въ началѣ приложена картинка, изображающая кобзаря съ его вожакомъ.

1841.

Вітре буйний. («Ластовка», 1841, стр. 23).
Причинна. (Тамъ-же, стр. 230).

На вічну память Котляревському. (Тамъ же, стр. 306).

Глава I изъ поэмы «Гайдамаки». (Тамъ же, стр. 371).

ГАЙДАМАКИ. *Поэма Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи А. Сычева. 1841.* (Въ 12-ю д. л.) Въ началѣ посвященіе: *Василію Ивановичу Григоровичу, на память 22 апрѣля 1838 года*; а въ концѣ: *Предмова* и (на оберткѣ) обращеніе къ подписчикамъ.

1842.

Отрывокъ изъ драмы: «Никита Гайдай». («Маякъ», 1842, т. V, № 9, отд. I, стр. 1). На русскомъ языкѣ.

1843.

Думка (Тяжко-важко въ світі жити!). («Молодикъ», 1843, ч. II, стр. 91).

Н. Маркевичу. (Тамъ же, стр. 108).

Утоплена. (Тамъ же, стр. 114).

1844.

ГАМАЛІЯ. *Соч. Шевченка. Спб. Въ типографіи М. Олхина. 1844.* (Въ 8-ю д. л.)

БЕЗТАЛАННЫЙ. *Поэма.* («Маякъ», 1844, т. XIV, № 4, отд. I, стр. 17). На русскомъ языкѣ. Въ началѣ посвященіе: *На память 9-го ноября 1843 года князю Варвару Николаевичу Репниной.* Также издана отдѣльно, подъ заглавіемъ:

ТРИЗНА. *Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. 1844. (Въ 12-ю д. л.)*

ЧИГИРИНСКІЙ КОБЗАРЬ И ГАЙДАМАКИ. *Дѣв поэмы на малороссійскомъ языкѣ. Т. Г. Шевченка. Новое изданіе. Съ картинкою. Спб. Въ типографіи Х. Гинце. 1844. (Въ 12-ю д. л.)* Первая изъ двухъ поэмъ перепечатана съ перваго изданія безъ перемѣны, а второе есть первое изданіе «Гайдамакъ», отпечатанное въ 1841 году, и перешлетенное въ одну книгу съ «Кобзаремъ».

1857.

Наймичка. («Записки о Южной Руси», 1857, т. II, стр. 149).

1859.

Вечеръ. («Русская Бесѣда», 1859, № 3, отд. I, стр. 4). Въ началѣ посвященіе: *А. И. Лазаревской*. Перепечатанъ въ «Народномъ Чтеніи» (1859, кн. 3, стр. 152).

Сонъ. («Русская Бесѣда», 1859, № 3, отд. I, стр. 5). Въ началѣ посвященіе: *Марку Вовичку*.

Хустина. («Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 156). Перепечатана въ «Хатѣ» (1860, стр. 86).

Якъ-би мині черевики. («Народное Чтеніе», 1859, кн. 5, стр. 168).

Одинъ у другою питаемъ. (Тамъ же, кн. 6, стр. 133).

1860.

И широкую долину. («Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 143).

Не вернувся изъ походу. (Тамъ же, стр. 144).

И богата я. (Тамъ же, стр. 145).

Полюбилася я. (Тамъ же, стр. 147).

Кобзарь. Тараса Шевченка. *Коштомъ Платона Семеренка. Спб. Въ друкарні П. А. Куліша. 1860.*

(Въ 8-ю д. л.) Содержаніе: 1) *Думи мої, думи мої!* 2) *Перебѣндя*, 3) *Топѳля*, 4) *Утоплена*, 5) *Причинна*, 6) *Думки: Тече вода въ синє море*, 7) *Вітре буйний, вітре буйний*, 8) *Ряско-важко въ світі жити*, 9) *На що мині чорні брови?* 10) *До Основьяненка*, 11) *Иванъ Підкова*, 12) *Тарасова нічъ*, 13) *Гамалія*, 14) *Катерина*, 15) *Наймичка*, 16) *Гайдамаки* и 17) *Псалми Давидови* (10 псалмовъ: 1, 12, 43, 52, 53, 81, 93, 132, 136 и 149). Въ началѣ посвѣщенъе: «Марку Вовчкѳві, на память 24-го стичня 1859 рѳку». Къ изданію приложенъ весьма схожій портретъ авторъ, рисованный г. Микѳшиннымъ и рѳзанный на деревѳ г. Гогенфельденомъ.

Калина. («Хата», 1860, стр. 73).

Пустка. (Тамъ же, стр. 76).

На рѳздвѳ. (Тамъ же, стр. 77).

Козацька дѳля. (Тамъ же, стр. 79).

На Вкраїну. (Тамъ же, стр. 80).

Хатина. (Тамъ же, стр. 83).

До зорі. (Тамъ же, стр. 85).

Доля. (Тамъ же, стр. 89).

Пісня. (Тамъ же, стр. 90).

Письмо Т. Г. ШЕВЧЕНКА къ редактору «Народнаго Чтенія». («Народное Чтеніе», 1860, кн. II, стр. 229). На русскомъ языкѣ.

Ой одна я, одна.... (Тамъ же, кн. III, стр. 151).

II.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВODOВЪ СТИХОТВОРЕНІИ ШЕВЧЕНКА.

I.

ДУМИ МОИ, ДУМИ МОИ!

Н. ГЕРБЕЛЯ (Съ малороссійскаго). «Сынъ Отечества», 1857, № 17, стр. 391. Перепечатано съ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 117). Первые два куплета; *остальное стихотвореніе напечатано здѣсь въ первый разъ.*

II.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Перебендя, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

III.

ТОПОЛЬ.

1. П. Вейнберга (Тополь, изъ Шевченка). «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 3, отд. I, стр. 1.
2. Н. Гербеля (Idem). «Современникъ», 1860, т. 80, № 3, отд. III, стр. 109). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

IV.

УТОПЛЕННИЦА.

- В. Крестовскаго (Утопленница, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

V.

ПОРЧЕНАЯ.

- В. Крестовскаго (Порченая, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

ДУМА.

(Гече вода въ синє море.)

- Н. Гербеля (Дума, изъ Шевченка). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VII.

ДУМА.

(Вітре буйний, вітре буйний!)

1. П. Ковалевскаго (Дума, изъ Шевченка). «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 1.

2. Н. БЕРГА (Idem). *Переводъ помпѣецъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

ДУМА.

(Тяжко-важно въ свѣтѣ жити.)

Н. ГЕРБЕЛЯ (Дума, изъ Шевченка). *Переводъ помпѣецъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

ДУМА.

(На що мині чорні брови?)

Н. ГЕРБЕЛЯ (Дума, съ малороссійскаго). «Библиотека для Чтенія», 1856, т. 140, № 12, отд. I, стр. VII. Перепечатана въ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 102).

X.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

М. МИХАЙЛОВА (Иванъ Подкова, изъ Шевченка). «Русское Слово», 1860, № 4, отд. II, стр. 41. *Здѣсь переводъ напечатанъ съ исправленномъ видѣ.*

XI.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Тарасова ночь, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XII.

ГАМАЛѢЯ.

Н. БЕРГА (Гамалѣя, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIII.

ПЛАТОКЪ.

- Л. Мея (Платокъ, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 159. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 67) и въ «Хатѣ» (1860, стр. 86).

XIV.

КАТЕРИНА.

- Н. Гербеля (Катерина, повѣсть, изъ Шевченка). «Русское Слово», 1860, № IX, отд. I, стр. 215.

XV.

БАТРАЧКА.

1. А. Плещеева (Работница, поэма Тараса Шевченка). «Современникъ», 1860, т. 80, № 4, отд. I, стр. 457. Въ началѣ посвященіе: *И. С. Тургеневу.*
2. Л. Мея (Батрачка, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XVI.

ГАЙДАМАКИ.

1. П. Ковалевскаго (Изъ поэмы Шевченка «Гайдамаки»). «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 3. Два отрывка изъ главъ подъ названіемъ: «Треті півні» и «Гонта въ Умани». Первый отрывокъ, отъ стиха: *Гомонила Україна, до — Жито собі сіють;* а второй отъ

стиха: *Минають дні, минає літо*, до — *Поки ихъ снігомъ занесло*. (По послѣднему изданію «Кобзаря» (1850) — стр. 168 и 205.)

2. Л. Мея (Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки»). Шестъ отрывковъ: 1) Вступленіе, 2) Галайда (отъ стиха: *Тяжко жить на свѣті*, до—*Абѣ хочъ приснися. . . не хочетця спать*), 3) Третьи пѣтухи, 4) Пиръ въ Лисьянкѣ (съ начала до стиха: *Му- сить пропадати*, и потомъ отъ стиха: *И Галайда зъ Гонтою танцюе*, до — *Та сядема заспіваймо*), 5) Гонта въ Умани, и 6) Эпилогъ (отъ стиха: *Погуляли Гайдамаки*, до — *Така Божя воля*. *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XVII.

ДУМА.

- А. ПЛЕЩЕЕВА (Стихотвореніе Шевченка, съ малороссійскаго). «Современникъ», 1858, т. 71, № 10, отд. I, стр. 470.

XVIII.

ДОЛЯ.

1. Л. БЛЮММЕРА (Доля, изъ Шевченка). «Свѣточъ», 1860, № IV, отд. III, стр. 77.
2. Н. ГЕРБЕЛЯ (Iedem). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIX.

СОНЪ.

- А. ПЛЕЩЕЕВА (Жница, съ малороссійскаго). «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46.

XX.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Канунъ Рождества, изъ Шевченка).
Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.

XXI.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Покинута избушка, изъ Шевченка).
Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.

XXII.

КАЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Казачья доля, изъ Шевченка). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XXIII.

ОДИНЪ У ДРУГОГО ПИТАЕМЪ.

Н. Курочкина (Безъ заглавія, изъ Шевченка).
«Народное Чтеніе», 1859, кн. 6, стр. 134.

XXIV.

НЕ ВЕРНУВСЯ ИЗЪ ПОХОДУ.

А. ПЛЕЩЕЕВА (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 144. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62).

XXV.

ПѢСНЯ.

А. ПЛЕЩЕЕВА. (Пѣсня, съ малороссійскаго). «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46.

XXVI.

ВЕЧЕРЪ.

Л. Мея (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 153. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62).

XXVII.

И ШИРОКУЮ ДОЛИНУ.

А. Плещеева (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 144.

XXVIII.

И БОГАТА Я.

А. Плещеева (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 145.

XXIX.

ПОЛЮБИЛАСЯ Я.

А. Плещеева (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 147.

В. Гербель.

20-го октября 1860 года.

С. Петербургъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

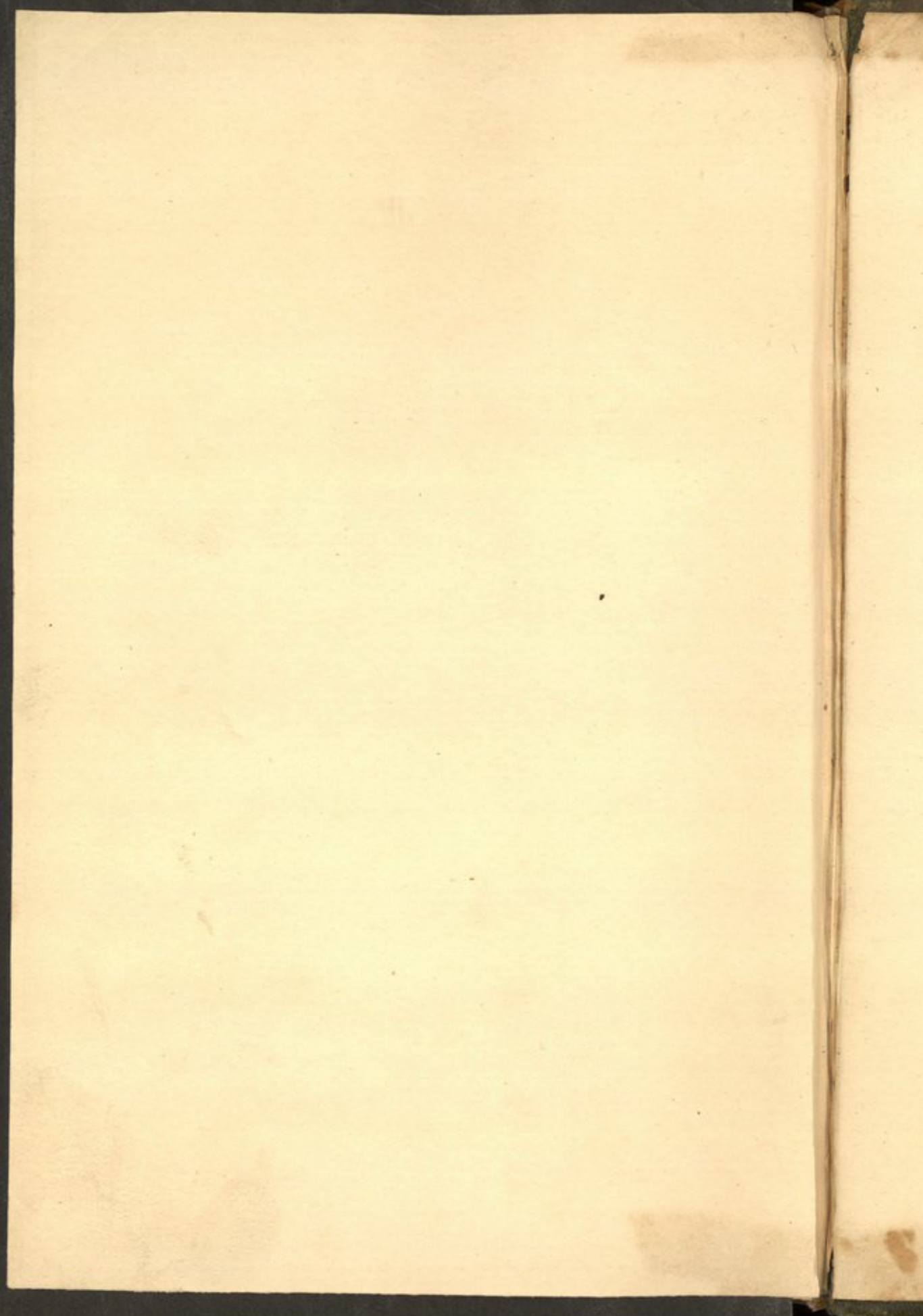
	Стр.
Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (Автобіографія).....	5
<i>Охъ вы, думы мои, думы!</i> — Н. ГЕРБЕЛЯ	13
Перебендя — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	18
Тополь — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	22
Утопленница — Всеволода Крестовскаго	31
Порченая — Всеволода Крестовскаго.....	39
Дума (<i>Льются волны въ синее море</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	48
Дума (<i>Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою....</i>) — Н. БЕРГА.....	50
Дума (<i>Горько, тяжело жить на свѣтъ</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	53
Дума (<i>Для чего мнѣ черны брови?</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	55
Иванъ Подкова — Мих. Михайлова.....	57
Тарасова ночь — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	61
Гамалѣя — Н. БЕРГА.....	67
Платокъ — Л. МЕЯ.....	75
Катерина. Повѣсть — Н. ГЕРБЕЛЯ	79
Батрачка. Повѣсть — Л. МЕЯ	111
Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки» — Л. МЕЯ:	
1. Прологъ.....	141
2. Галайда	144
3. Третьи пѣтухи.....	146
3. Пиръ въ Лисянкѣ	152
5. Гонта въ Умани.....	159
6. Эпизодъ.....	168
Дума (<i>Проходятъ дни.... проходятъ ночи....</i>) — А. ПЛЕЩЕЕВА. 175	175
Доля — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	177
Жница — А. ПЛЕЩЕЕВА	178
Канунъ Рождества — Н. ГЕРБЕЛЯ	180
Покинутая избушка — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	182
Казацкая доля — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	184
<i>Мы все живемъ и все не знаемъ....</i> — Н. Курочкина.....	186
<i>Не серпулся изъ походу....</i> А. ПЛЕЩЕЕВА.....	187
Пѣсня (<i>Проторила я тропинку</i>) — А. ПЛЕЩЕЕВА.....	188
Вечеръ — Л. МЕЯ	190
Списокъ печатныхъ сочиненій Шевченка.....	193
Списокъ русскихъ переводовъ стихотвореній Шевченка....	197

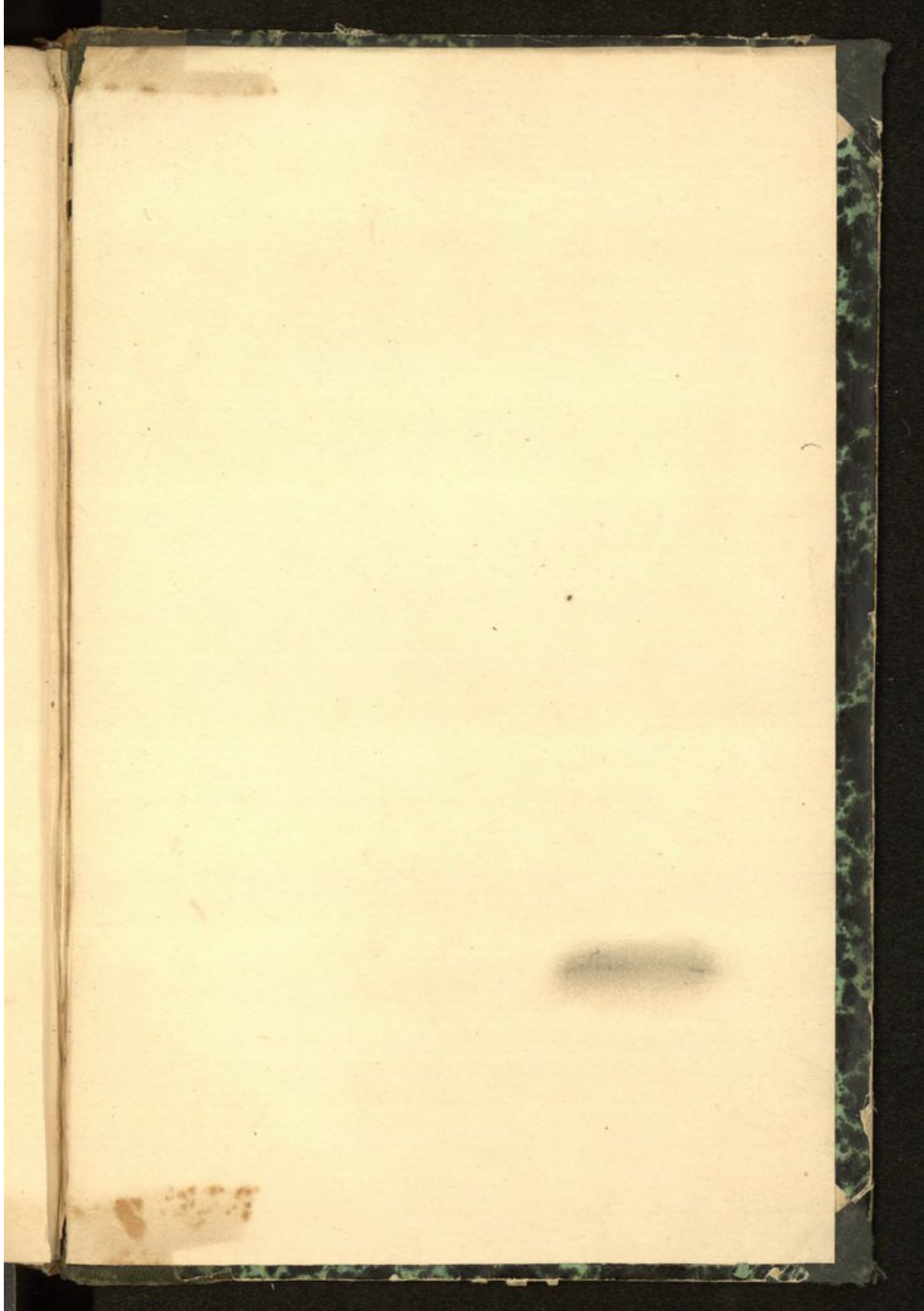
TP.
5

13
18
22
31
39
48
50
53
55
57
61
67
75
79
111

141
144
146
152
139
168
175
177
178
180
182
184
186
187
188
190

193
197

B 128263

